

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

**В стихах, в письмах, в воспоминаниях,
в отзывах литературоведов**

г. Ковдор, фойе ДК, 1974 год.

*Звоню в Крым, спрашиваю у Владимира Орлова: «Заедешь на Кольский полуостров?».
«Конечно – отвечает – это же по дороге».*

Фото Юрия Петрухина.

ВОКРУГ АРБУЗА

В начале шестидесятых в «Неделе» – в первом в стране читабельном еженедельнике – попала на глаза сказка о трёх охотниках. Перевод с французского. Об охотниках, у которых *«Патронов у каждого столько бывало, /Что с ружьями просто случалась беда. /Одно без патронов никак не стреляло, /А два не заряжены были всегда»*. Спустя годы собкор «Комсомольского знамени» по Крыму и Львову Коля Лесин (он же, в будущем, писатель – Николай Самвелян) с удовольствием перекачивал на языке строку-стихотворение «У арбуза – всюду пузо!». Пока до меня не дошло, что давно знаю автора стихотворения, что именно его подпись стояла под «Тремя охотниками».

Посчастливилось лично познакомиться с поэтом. Убедился, озорные строки-прибаутки (а то и поговорки!) то и дело выпархивали из его стихотворений в самостоятельную жизнь. Обрастая по пути легендами: *«Лилипуты были рослыми вначале, по причине мелких споров – измельчали»*, *«Видно лошадь, знает что-то, если так она молчит»*, *«Коль друзей встречать рогами, станут все они врагами»*, *«Мать – овца, отец – баран, дочка – баронесса»*. Ну и конечно, *«У арбуза – всюду пузо»*.

Эта строка вообще обросла домыслами. То и дело натыкаешься в Интернете на фантазии самодеятельных литературоведов. Некий Аркадий Левит, к примеру, утверждает:

«Однажды в дружеском кругу, наслаждаясь арбузом, Орлов вдруг спросил:

– Какая примечательная особенность арбуза?

– Сладкий, – ответил один.

– Сочный, – сказал другой.

– Всё просто: у арбуза – всюду пузо.

– А ведь верно! – восхищались друзья...».

Убеждён, люди, которым довелось общаться с Владимиром Натановичем, пожмут плечами. К словесным играм поэт обычно прибегал при общении с детьми. Искренне гордился, что сохранил в себе любознательность восьмилетнего. К взрослым – другой подход. Строкой про арбуз он вполне мог прокомментировать сочувственное замечание окружающих на предмет возрастного увеличения живота. И «закрывать тему».

Большинство орловских поговорок вначале обосновались в его стихотворениях. Как правило, в заключительных строках. Каковые в баснях именуются моралью. За исключением, разве песен Орлова. В них перлами могут быть пронизаны начальные строки. Или строки припева: «А пока, пока, по камешкам...».

Что же касается «арбуза», у меня сохранилась копия письма В. Орлова киевскому критику М.С. Петровскому. Поводом послужили происки некоего плагиатора. Всегда находятся желающие присвоить себе чужое. Особенно, если иным дебрям кажется, будто строки «плохо лежат» и недостаточно застолблены. Годы спустя иные из сотрудников киностудий мультиков считали себя вправе заменять

фамилию автора своей. Письмо Орлова датируется декабрём 1969 года. Привожу его полностью:

«Уважаемый Мирон Петровский!

Простите, не знаю Вашего отчества, мне его не сообщил Я. Махлин. Хочу Вас поблагодарить за то, что Вы похвалили мои давние строчки «...у арбуза – всюду пузо».

Правда, их Вам прислал другой человек – «молодой автор», который поставил под этими строчками свою фамилию.

Если смотреть на этот эпизод без юмора, то уже порядком надоел этот «молодой», под 50 лет, автор.

Если не ошибаюсь, его фамилия Лазов.

Я его знаю 13 лет. За эти годы он много раз «одалживал» строчки, четверостишия, мысли, образы и темы не только у меня. Это Вам могут подтвердить член СП В. Михайлова и поэт М. Артёменко, живущие в Крыму и ловившие В. Лазова на плагиате.

Что касается моего «арбуза», то, видоизменив эти стихи, плагиатор в прошлом году опубликовал их в «Костре». Лев Всеволодович Мочалов – сотрудник журнала – уже предупреждён о проделках этого «автора».

Сообщаю Вам, что моё стихотворение «Танина загадка» (одно из первых моих стихотворений для детей) было опубликовано в газете «Крымский комсомолец», № 94, 9 августа 1959 года.

ТАНИНА ЗАГАДКА

Говорит ребятам Таня:

«Кто под солнцем на баштане

Сладко дремлет в тишине,

Кверху пузом на спине?»

Вдруг сказала Оля тихо:

«Таня, тут неразбериха,

Нет спины ведь у арбуза,

У арбуза – всюду пузо».

Я благодарен Я. Махлину за своевременное предупреждение. Надеюсь, оно в какой-то мере и Вам пригодится.

Всего Вам доброго! С НОВЫМ ГОДОМ!»

В уголке машинописной страницы – подпись Владимира Орлова. Буква «В» с точкой, затем большая буква «О» с хвостиком внизу. И адрес. Тогда Орловы жили ещё не на улице, названной в честь венгерского города-побратима Симферополя (Кечкеметской), – а в старой квартире на ул. Гагарина.

«КАЖИ (НЕ КАЖИ) СВОЁ ЛИЧКО»

Литстудия при издательстве «Молодь» в пятидесятых-шестидесятых стала инкубатором для литераторов Украины. Достаточно назвать фамилии нынешних классиков – Лины Костенко, Василя Симоненко, Винграновского. Справедливости ради, надо сказать, что на занятиях литстудии не они правили бал. Доминировали менее талантливые, но более пробивные. Чьё единственное достоинство заключалось в том, что они писали на украинском языке. Большинство из них чуть ли не скопом вскоре приняли в Союз писателей УССР. Потому, когда на нынешней авансцене завывает писательница по фамилии Ницой – не надо удивляться. Она прямая наследница писателей-бездарей, принятых на скорую руку в СП.

Посещали особняк издательства (до войны в нём размещалось консульство фашистской Германии, с обретением страной независимости – поселилось Посольство Индии – **Я.М.**) и студийцы, пробовавшие силы на русском языке. Выступали с новыми стихами в очередь с остальными. Но Юнна Мориц, вскоре переехала в Москву. В Киеве издал книжечку басен Генрих Шахнович. И только.

В конце пятидесятых «Молодь» готовила к печати книги поэтов, живущих в провинции и писавших на русском языке: Владимира Орлова из Симферополя и Иосифа Курлата из Донецка-Северодонецка. Не исключено, сие мероприятие руководство украинского отделения Союза писателей каким-то боком приурочило к недавнему присоединению Крыма к УССР. Дескать, мы новых граждан любим и уважаем.

Пройдёт десять-пятнадцать лет, портреты обоих новобранцев появятся в справочнике писателей УССР. В сопровождении названий десятков их книг, вышедших в престижных издательствах Украины и Союза. Орлов при жизни стал классиком, произведения его вошли в учебники и школьные хрестоматии, в репертуар самодеятельности.

Однако для понимания событий, случившихся в конце пятидесятых, придётся несколько оживить подробности взаимоотношений в те далёкие годы. О них не говорили вслух, но на судьбу рукописи они подчас влияли сильнее, чем литературные достоинства.

Владимира Орлова фамилией наградил прадед, николаевский солдат, получивший после двадцати пяти лет службы «царю и отечеству» надел в Крыму. В придачу – родовое имя командира полка. Своё за годы военных тягот подзабыл. Или не знал, как его воспроизвести на кириллице. От отца поэту досталось отчество – Натанович, от матери – характерная горбинка на носу.

Иосифу Курлату подозрительное имя и фамилию подарил отчим, усыновивший мальчика в ползунковом возрасте. То есть, внешне этот автор стихов о героях-пионерах никак не был похож на представителя «не той национальности».

Вот и ответ, почему редактор издательства «Молодь» Андрей Мяскивский в один и тот же день послал начинающим авторам телеграммы прямо противоположного содержания.

Владимиру Орлову: «Не показывайся в Киеве, пока книга не выйдет».

Иосифу Курлату: «Немедленно приезжай, иначе книга не выйдет».

Спасибо республиканской пионерской газете, благодаря работе в ней, мне посчастливилось познакомиться и с Орловым, и с Курлатом. Оба рассказали об этой истории почти слово в слово.

Книгу стихотворений Владимира Орлова издательство «Молодь» всё равно не издало. Не потому, что он нарушил просьбу редактора и посетил знаменитое помещение издательства на ул. Подвальной (позднее – Ярославов Вал). Поэт сам попросил вернуть рукопись. Повлиял совет Михаила Аркадьевича Светлова, давшего Орлову рекомендацию на вступление в Союз писателей. Автору «Гренады» и «Каховки» понравились стихи крымчанина. Некоторые строки он с удовольствием подержал на языке. Но подвёл гостя к стеллажу и сказал:

– Передо мной на полке шеренга сборников, подаренных мне друзьями-поэтами. Одни я буду перечитывать, другие – вряд ли. А вот стихи, адресованные малышам, обязательно возьму в руки. Не раз. Детям буду читать, внукам.

Слова Михаила Светлова стали для Орлова напутствием на всю творческую жизнь. Разве горбачёвская перестройка и связанные с нею события, заставили поэта оглянуться на жизнь взрослых. Но это уже, как подчёркивает ведущий популярных детективных историй, совсем другая история.

Первая книжка Орлова для детей вышла в свет в 1958 году, называлась она «Тимошкина гармошка». Гармошка в книге совсем не случайна. Музыкальный слух у Владимира Натановича был отменным. Он мог воспроизвести, не солгав ни в одной ноте, чуть ли не целые симфонии. А во время отдыха на берегу моря пересвистывался «со знакомой скворчихой».

Но мы – о первой книге поэта для детей. Её прочёл и одобрил Самуил Яковлевич Маршак. В доказательство подарил сыну Орлова свою книжку, с такой надписью:

«Дорогой мой Юрий,

Твой отец знаком

По литературе

С дедом Маршаком».

ЖЕНА ПОЭТА

В начале 1969 года меня перевели из республиканской молодёжной газеты «Комсомольское знамя», в республиканскую же детскую «Юный ленинец». По сегодняшним меркам, газета имела громадный тираж, за 300 тыс. экземпляров. Правда, более чем втрое уступала по тиражу украиноязычной «Зірке». Но наш конкурент – всесоюзная «Пионерская правда», тоже стоившая копейки, но обладавшая куда большими возможностями. И штатом.

Поводом к моему перемещению послужили события в Польше. Генсек тамошней компартии Гомулка был уличён то ли в любви, то ли в ненависти к евреям и караимам. ЦК ЛКСМУ мигом отреагировал на сигнал из отдела пропаганды ЦК КПУ. Дал указание редакциям подведомственных газет освободиться от нежелательных элементов с точки зрения пятого пункта в паспорте. Надо отдать должное редактору «Комсомольского знамени», Анатолию Мельниченко. Он взял под козырёк, но призадумался. В «Юном ленинце» как раз не хватало для создания партячейки одного члена партии. Он и предложил мою кандидатуру редактрисе. Идеологи из ЦК Укр. комсомола подумали и дали добро.

Ближе к июню выпросил командировку в Симферополь, к поэту Владимиру Орлову. Запастись свежими стихотворениями для летних номеров «Юного ленинца». К счастью, наши интересы с редактрисой Г.А. Литвиновой совпали. Она тоже считала, что летние каникулы поблекнут без весёлых, наполненных бликами солнца, произведений Орлова.

Книг поэта на моих полках не было. Несколько лет гонялся по магазинам, но их сметали с прилавков до моего прихода. Сказывалась реклама, её организовывали «поэту из Симферополя» радиопередача «С добрым утром!», 16-я стр. «Литературной газеты», журналы «Мурзилка», «Костёр» и «Крокодил».

Гостю неудобно отказывать. Владимир Натанович читал стихи до ужина, во время и после. Органичные, мгновенно запоминающиеся, пронизанные улыбкой, подкованные звонкими рифмами. Врезались в память раз и навсегда.

Когда взгрустнётся или, когда хочется поднять собеседникам настроение, и сейчас декламирую стихи Орлова. Начинаю с «**Вороны**».

*– Кра! – кричит ворона, – Кража!
Караул! Грабёж! Пропажа!
Вор прокрался утром рано!
Грош украл он из кармана!
Карандаш! Картинку! Пробку!
И красивую коробку!*

*Стой, ворона, помолчи!
Помолчи ты, не кричи!
Жить не можешь без обмана!
У тебя же нет кармана!*

*– Как! – подпрыгнула ворона
И моргнула удивлённо. –
Что же вы сразу не сказали?
Кар-р-раул! Кар-р-ман укр-р-рали!*

Чаще всего перехожу на цикл стихотворений о белом пуделе, на коренное стихотворение подборки «Прогулка»:

*Спит старушка на кушетке,
Чёрный пудель – на полу.
Просыпается старушка –
Пудель смотрит на неё.
– Вечер, – думает старушка, –
Не пора ли погулять?
– Да, – подумал чёрный пудель, –
Мне давно гулять пора!
– Нужно, думает старушка, –
Взять и пуделя с собой.
Да, подумал чёрный пудель, –
Нужно взять её с собой.
– Ах, – подумала старушка, –
Где же спрятан поводок?
– Да, – подумал чёрный пудель, –
Ей нельзя без поводка!
– Пусть на привязи гуляет, –
Так подумала она.
– Да, подумал чёрный пудель –
Пусть идёт на поводке.
– Что ж, – подумала старушка,
Он теперь не убежит.
– Да, подумал чёрный пудель, –
Не заблудится теперь.
Чёрный пудель и старушка
Молча вышли из ворот.
Совершенно неизвестно,
Кто кого повёл гулять!*

Дошла, наконец, в тот памятный вечер очередь до свежих, только что из печки, стихотворений. Всего-то восьмистишие – а целая история о корабле, мечтавшем в морях о родном причале. Пришвартовался, потёрся щекой о шершавую стенку, ощутил тепло родных канатов – опять захотелось в море.

Жена поэта, Нонна Гавриловна, периодически всплывала в комнату, меняла тарелки, подливала чай. Вдруг резко вырисовалась на первом плане:

– Чего это ты при мне опять читаешь о своём корабле. Я тебе уже сказала: хочешь в Москву – езжай!

Разбудило меня настырное крымское солнце. Глянул на часы – шести утра нет. Слышу, не один я в квартире проснулся. Тихонько топаю на кухню воды попить. За столом хозяйин с хозяйкой. Улыбаются и вдохновенно дуются в дурака.

НАЧАЛО ПЕРЕПИСКИ

С той весны завязалась наша переписка. Плюс открытки к праздникам. Для почты эти пристрастия советских людей были сущим бедствием. Киевскому главпочтамту, например, в конце декабря-начале января приходилось чуть ли не втрое увеличивать контингент обработчиков. Праздничный приработок отца моего друга, пенсионера, приблизительно равнялся размеру пенсии.

Знаю, жена Владимира Натановича Нонна Гавриловна вместе с дочерью Татьяной, одно время размышляли над тем, как собрать воедино тексты открыток за подписью Орлова и его надписи на подаренных книгах. Впрочем, поздравительные тексты В.Н. в прозе тоже имели орловский привкус: *«Пусть дед Мороз принесёт тебе полный мешок радостей и сладостей!»*.

В. Н. побывал у меня в гостях в маленьком северном городке. Я у него в Крыму. Поздравления стали обрастать намёками: *«Желаем тебе здоровья и хорошей памяти! Чтобы ты помнил о своих друзьях не только летом, но и в неотпускное время!»*.

Однако вернёмся в начало семидесятых. Владимир Натанович писал мне больше по делу – как сотруднику детской газеты. Позволю себе здесь и далее опустить полагающиеся письмам приветствия и пожелания, оставить только текст и даты, каковые пунктуальный Орлов ставил в конце страницы.

«30.03.70. Посылаю несколько стихотворений, что-то давно у Литвиновой (редактор газеты – Я.М.) не публиковался. В моих делах робко намечается перелом в лучшую сторону. Усилия друзей (а м. б. что-то другое) сказались на выступлении Барто на 3-ем съезде писателей РСФСР. Я к этому съезду отношения не имею, но моя фамилия фигурировала в положительном звучании на этом съезде. Больше никого из писателей с Украины Барто не упоминала. Опять же из «Детгиза» сообщили, что ничего и никто моей книжке не угрожает.

Итак, я понёс потери. Две книжки (в «Малыше» и в Новосибирске) вылетели из плана 70-го года, и, м. б., навсегда. Однако это вовсе не означает, что борьба прекратилась. Она продолжается уже без моего вмешательства и её результаты будут проявляться долго и во многих случаях неожиданно для меня (Гонения на Орлова начались после публикации невинной эпиграммы, совпавшей день в день с вводом войск стран СЭВа в Прагу – Я. М.).

В докладе Барто есть абзацы, где она лягает М. Петровского. И опять непонятный приём: толково и ясно не объяснены причины критического отношения к статье Петровского. Буду в Киеве, непременно с ним увижусь. Пусть он мне расскажет всё подробно.

Привет и поклон Литвиновой. Скажи ей, что я остро помню обещание посылать меня в интересные командировки.

25.05.72. Пишу и думаю, посылать тебе новое стихотворение или не посылать? Мой адрес ты знаешь. Чтобы скорее меня найти, спросишь двор ресторана «Селена». В глубине двора находится дом, который построил ЖЭК.

18.09.73. Извини, пишу от руки. Как-то теплее получается. Спасибо за весточку. Судя по твоей газете, коллектив в редакции хороший. Я рад за тебя. Ты, видимо, вписался в город, в местность, в людей.

Не так давно я был в Киеве, говорили в «Юном ленинце» о тебе, хорошо вспоминали.

Моя жизнь наполнена премьерными кукольными спектаклями. Видимо, незаметно для себя стал поклонником этого вида искусства. Стихи для детей пишутся всё реже. Очевидно, временное явление. Во всяком случае, хочется так думать.

Живи долго и красиво!

9.12.73. Письмо твоё взбудоражило, прозвучало походной трубой. У меня, как у старого боевого коня, тревожно раздулись ноздри, а ноги стали рыть землю.

Я готов приехать на твой край земли. А что для этого нужно – тебе видней. Очевидно нужен вызов из твоих приграничных краёв, чтобы всё было официально. В обмен на Сияние готов выступить в школах, перед участниками вашей Всесоюзной стройки и т. д. Остальные детали на месте. Действуйте, Ваше Сиятельство!

5.01.74. Действуешь ты оперативно! Но не точно. Я же писал о весне, а ты мне – крещенские морозы. Но не в этом суть. Я не понял, как ехать. Чтобы на эту «Арктику» (название поезда – **Я.М.**) попасть, необходимо в определённое время прибыть в Москву или в Ленинград? Это раз. Можно ли, допустим, лететь в Мурманск из Симферополя, а уже оттуда добираться до тебя? Это два. И когда лучше прилететь в Ленинград, чтобы сесть на эту «Арктику»?

Что из фруктов тебе привезти? Или у вас их там больше, чем у нас? Могу крымских яблок, крымского вина. Пиши – не стесняйся, мы же не красные девицы. Настаиваю на ответе! Не ответишь – не приеду. На полном серьёзе.

23.01.74. Когда ты получишь это письмо, я, очевидно, уже буду собираться в дорогу. Вчера сдал вызов, через 8 дней, сказали, будет готов пропуск. Так вот, если пропуск дадут (всё может быть), то вслед за письмом прикачу я.

Сразу я собраться не мог. Очень много таких дел, которые нужно было завершить. К тому же одет, не очень тепло для Севера – у меня даже перчаток не было. Теперь более-менее подготовлен.

Командирует меня Крымское отделение Союза писателей Украины.

24.02.1974. Немного отошёл от дороги, от первоочередных забот и вот я вам пишу.

В Симферополь добирался самолётом, который почему-то заночевал в Борисполе. Только прилетел домой, как понадобилось на завтра лететь в Донецк, на сдачу своего спектакля.

Дел ещё множество, они начнутся с понедельника. Сейчас на дворе суббота. Написались два новых стихотворения и на душе благодать. Сегодня получил обе посылки из Ковдора, с рыбой. Все довольны и рады.

В следующем письме вышлю справку о зарплате и обратные билеты. Чуть погодя вышлю в ДК обещанные пьесы и книжки. Пьесы нужно сдать на машинку, ибо у меня – по одному контрольному варианту.

Не знаю, как у тебя на севере, а у меня на юге промозгло, туманно и зыбко. Ждём весны, лета и твоего приезда. Жди следующего письма, привет всем!

15.03.74. Спасибо тебе за все газеты сразу. Всё получил. Фото – во!

Здесь уже тепло, на термометре +15°. А у вас там, наверное, снег. Бр-р! Всё собираюсь прислать тебе чего-нибудь в посылке, но руки не доходят. Не доходят так же до пьес. Но и то, и другое, непременно пришлю.

Рыбку ещё всю не съели. Доедаем. Ем и вспоминаю Ковдор и тебя.

Писать больше не о чем, приедешь – поговорим!

21.03.74. Наша переписка приобретает стабильность. Поздравляю с четырёхполоской! Это уже газета!

Сейчас у меня горячая пора – «Неделя детской книги». Как только всё утихнет, вышлю в Мурманск небольшую рукопись, посмотрим, что из этого получится.

Туркмения молчит. Вот уже третий год они морочат мне голову, обещают вызвать, но делают это с чисто восточным коварством. Аллах с ними! Больше не переведу ни одного стихотворения. А ты жди бандероль!

Позволю себе сделать паузу. Стихотворную. За неделю пребывания в городке на границе с Финляндией (находится на траверзе резиденции ихнего Санта-Клауса, города Рованиеми) Владимир Натанович с утра до вечера встречался со школьниками – на уроках и в школьном зале, со строителями Всесоюзной стройки, с коллективами ДК и просто с читателями. В перерывах написал несколько стихотворений. В сборниках мне попало только одно из них. У меня сохранились рукописные оригиналы.

ЗИМНЕЕ УТРО

*Пар клубят
Носы и трубы.
Всюду шубы,
Шубы, шубы.
Даже небо
Спозаранку
В серой шубе
Наизнанку.*

НИКТО НЕ ОБИЖАЕТСЯ

*Был у снега
Длинный путь –
Снегу нужно
Отдохнуть:
Он садится на луга,
На – высокие
Стога,
На – опушку,
На – избышку,
На – столетнюю
Старушку,
На – скамейки
На – кусты,
На – заборы
И – мосты,
На – пальто
И – рукавицы,
И девочкам –
На ресницы,
На – известных футболистов,
На – заслуженных
Артистов,
На – причёски
И – носы,
Генералу –
На усы,
На милицию
Снижается...
И никто
Не обижается.*

Гость из Крыма удивлялся: как это машины могут ездить и не скользить по снегу? В те времена за околицей городка бетонка заканчивалась. А по грунтовке только зимой и можно было проехать. Направлялись мы с ним на выступление в подсобное

хозяйство комбината, часть пути совпала с дорогой на свалку. Белый снег густо засеяли оранжевые пятна. ОРС накануне побаловал ковдорчан апельсинами...

СИЯНИЕ СЕВЕРА

Гром прогремел над головой Орлова в конце августа 1968 года. Популярная среди интеллигенции «Литературная газета» впервые за годы своего существования появилась тогда в киосках не в среду, а в четверг. Всё из-за двестишестидесяти В. Орлова на шестнадцатой странице:

– Мы все друзья и все мы братья, –

Сказал удав, раскрыв объятья.

Никого из «принявших меры» не интересовало, что эпиграмма пролежала в заглавнике отдела юмора полгода, выстояв традиционную очередь среди материалов, подписанных к печати... Главный редактор спохватился в последний момент и остановил печатную машину. Эпиграмма – на 16 стр., а на первой – сообщение ТАСС «о братском и бескорыстном танковом походе на «Пражскую весну».

В гости в Ковдор Орлов приехал спустя четыре с половиной года. Запреты на книги поэта и публикации в периодике постепенно поутихли. В середине восьмидесятых книги поэта снова начали выходить. Оказалось, за годы вынужденного молчания автор переключился на стихи для взрослых. Так и назвал один из сборников: «Прочтите взрослым».

... За день до прощания гостя с Ковдором местная интеллигенция заполнила до отказа зал Дома культуры. Весь вечер зрители повторяли вслед за автором знакомые со школьных и с дошкольных лет строки.

Накануне радио сообщило, что «злопыхателя Солженицына выдворили из страны». Под конец обмена вопросами и ответами в передних рядах поднялся товарищ в штатском. Впрочем, никто не сомневался, в каких органах сей интересант получал зарплату.

– Товарищ поэт, расскажите нам, как вы относитесь к писателю Солженицыну?

Зал притих, упёрся глазами в Орлова. Гость выдержал паузу и ответил вопросом:

– Простите, а кто это такой?

Смех и аплодисменты, весь вечер, сопровождавшие выступление Орлова, враз смолкли. Тишина оглушила. Вослед зал взорвался хохотом. Гражданин в штатском сел, вскочил, снова сел и под аккомпанемент топота ног кинулся в боковые двери...

Назавтра была суббота, командировка поэта подходила к концу. Захотелось как-то разбавить мрачноватые впечатления от встречи с товарищем в штатском, угостить друга достопримечательностью города добытчиков железа – массовым взрывом на руднике «Железный». Таким способом дробили (рыхлили) скалу, пропитанную

феррумом и другими полезными минералами, иначе руду не погрузить на самосвалы и не свезти на обогатительную фабрику. А с транспортом, то есть с двадцатипятитонными и сорокатонными БЕЛАЗами, было туго. Чтобы увеличить число откаточных смен, начальник рудника Виктор Азариевич Эйдельман (позднее взявший ради детей фамилию жены и ставший «Смирновым, который Эйдельман») свёл взрывную смену к одному разу в месяц. Одновременно взрывал тысячу тонн тротила. Эквивалентных одной двадцатой атомной бомбы, сброшенной американцами на Японские города.

Темнеет в феврале быстро, дно ямы-карьера покрыла синеватая дымка. С борта хорошо видно, как тонкие белые молнии пронизали сгустившиеся сумерки – импульсы к детонаторам ринулись по шнурам. Воздушная волна ударила в лицо, усилив густой звук массового взрыва. Бетонная подушка под ногами заходила ходуном. От зарождающего чёрного гриба глаз не оторвать. А Виктор Азариевич кричит:

– Вверх, вверх смотрите! Предупреждал же!

Будто по мановению рук Гулливера-жонглёра, камни – размером с чемоданчик, чемодан и баул – висят в воздухе. Но и те, что поменьше, величиной с яйцо, защитную каску раскроют – охнуть не успеешь. Пронесло.

Владимир Орлов смотрел не на камни, не на разросшийся до гигантских размеров чёрный гриб. Смотрел на начальника рудника.

– А твой Витя – настоящий поэт! Такие расчёты лишь истинному вдохновению подвластны.

В устах Орлова – всем комплиментам комплимент! Звание поэта он ставил выше всего.

С ОСТЕОХОНДРОЗОМ НЕ ШУТЯТ

29.04.74. *Прими праздничную рубаю:*

По всей земле – весенняя расцветка,

Весной поёт моя грудная клетка.

Я к вам пишу: цветёт моё стило.

Как майская трепещущая ветка.

26.06.74. *Тимофеев (редактор Мурманского книжного издательства – Я. М.) мне не написал. Пока не получу от него ответ на моё письмо, рукопись высылать ему не буду. Неудобно.*

09.03.77. *Скоро пошлю тебе свою новую книжку. Вернее, не тебе, а твоему малышу. Должны появиться и другие книжечки. И все – цветные.*

У нас – весна. И хотя идут дожди, многие деревья цветут, летают пчёлы. Кусты в зелени. Так что привет от нашего тепла вашим морозам... Привет твоим близким!

03.01.78. *Спасибо за труды! Это ведь надо – сесть за машинку и отстукать письмо на 60 газетных строк. Жаль, нет у меня газеты, тебе бы полагался гонорар.*

От мурманских режиссёров и от актёров, с которыми ты разговаривал по поводу пьес, я получил столько же писем, сколько от редактора Мурманского издательства...

Мои дела идут. Жду выхода новых книжечек, мультика и пластинки со стихами. Кое-что из лучшего вышлю тебе.

К концу года количество театров, поставивших мои пьесы, может дойти до тридцати. Сейчас их около двадцати. Кукольные пьесы – кукольные гонорары. Хотя сейчас гонорары всё ощутимее, так как появилось несколько взрослых театров.

Привет Северному сиянию от южного дождичка!

19.02.78. *Я понимаю, что ты не Бог, не царь, но ты – герой, ибо живёшь на Севере. А коль скоро ты герой, то совершай героические поступки. Впрочем, не обязательно. Шутю. Плюнь ты на этот театр: надо будет – сами меня найдут. Если бы я знал, что ты свирепо реагируешь на шутки, предупредил бы, что это – шутка. Жутко?*

Только что вернулся из Москвы, где по заданию ЦК ВЛКСМ писал пионерское приветствие 18-му съезду комсомола.

В твоей газете очень мне понравился заголовок: «КрАЗ – и нет газона!». Прелесть, как симпатично. Не шутю. Стихи – меньше. Тоже не шутю. Видимо, уже скоро вышлю тебе кое-что новенькое. Сам жду – не дождусь.

Будут новости – сообщай.

Будут новости – сообщу.

04.03.78. *Одновременно с этим письмом отправляю в Мурманск пару пьес. Сообщаю, чтобы ты был в курсе. Послал набум, не зная имени, отчества и фамилии режиссёра.*

Будь здоров! Следи за периодикой.

18.03.78. *Стихи понравились, но, уверен, что напечатаны не будут: интуиция. А читать их на выступлениях – можно: будут приниматься.*

Редколлегия – собирательный образ, который образами мыслить не может. Поэтому ничего хорошего от этой дамы нам ждать не приходится.

Из приветствия комсомолу ни одной строки со мной нету. Очень сожалею, но увы. Такие строчки брать с собой не хотелось. Да и тебе они ни к чему. Они попали в обций котёл и там растворились.

30.10.79. *С праздником тебя и твою семью! Желаю светлой Полярной ночи!*

Жизнь идёт вперёд к ...прошлому. Всё повторяется, но не всегда в новом качестве. Радуют меня радио и периодика – «Колобок», «Нева», украинские журналы. Написал новую детскую пьесу и считаю её своей удачей. Пока она ещё не залитована, но уже четыре театра, зная о ней, подали заявки в Министерство. Работы много. Видимо, год Солнца и Ребёнка подействовали на меня положительно. Не отказывался даже от телесценариев и приветствий. Слушай иногда радио: «Вечерний Маяк», «Доброе утро», «Вы нам писали».

Бывай! В Крыму – тоже!

P.S. *Много ездил и забыл отправить письмо. За эти две недели написал ещё одну пьесу. Ну прямо позор какой-то – так из меня хлещет.*

Забот полон дом. Купили чёрного пуделя. 15-го будет ей месяц. Теперь весь ритм дома подчинён этому существу.

27.12.80. *Так уж сложилось, что я не мог тебе отписать подробное письмо. Теперь попытаюсь.*

В марте я заболел. Стали неметь руки, потом ноги. Обратился к врачам. Сказали – остеохондроз. И началось лечение. Физиотерапия не помогла. Становилось хуже. На своём юбилее (пятидесятилетие – Я.М.) уже еле передвигал ноги. Почерк изменился, стал корявым. В июле поехал к разрекламированному «Литературной газетой» доктору Касьяну (под Полтаву). Он оказался шарлатаном. Колотил он по моему больному позвоночнику и уверял, что скоро всё пройдёт.

Еле-еле дотянул до юбилея и уехал в Херсонскую водолечебницу. Мне там делами растяжение позвоночника, кололи, купали в сероводороде. Заметно полегчало, ходить стало лучше. Но онемение рук, спины и груди не прошло.

14 октября меня вызвали в ЦК ВЛКСМ писать пионерское приветствие. Воспользовался случаем и при помощи одного своего московского друга был осмотрен в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии). Там мне сказали, чтобы я срочно ложился в нервную клинику. Через Минздрав меня запихнули в нейрохирургию Первого московского медицинского института. Начались тщательные исследования. Стала появляться чувствительность в руках.

Видишь по почерку, теперь не скажешь, что руки не подчиняются. Врачи сказали, что Касьян и всё предыдущее лечение было для меня смертельно. Ибо кроме остеохондроза меня настигла другая хворь, при которой желателен полный покой. В связи с улучшением состояния операцию, на позвоночнике отклонили и отпустили под наблюдение врачей домой.

Такие вот, вкратце, дела. Пью лекарства и очень не хочу возвращаться в Московскую клинику, куда обязали прибыть в случае ухудшения.

Почти не работаю. Год вылетел в трубу. Судя по лёгким признакам болезнь отступает, хотя вряд ли она до конца оставит мою территорию.

...Моя болезнь, видимо, началась с нервного стресса, связанного с Министерством культуры УССР. Стычка произошла из-за новой пьесы, которая только что вышла в театрах и по ней снимался мультфильм. Пьеса эта, кстати сказать, переведена в Польше и Чехословакии, там идут и другие мои вещи. Победа пришла, но спустя год. Она мне дорого обоилась.

07.01.81. Болячка моя оказалась серьёзной, воюю с ней с марта прошлого года (с переменным успехом). Зато закончился, будь он не ладен, Високосный год. С началом Нового появился небольшой прилив. Стал писать, что меня очень радует.

Возможно, появятся признаки улучшения здоровья, а юбилей прошёл, по мнению присутствовавших, весело. Вручили мне Грамоту Верховного Совета и премию им. Трублаини. В Польше и Чехословакии идут пьесы. Недавно перевели ещё одну, новую. Оттуда шлют слова благодарности, которых здесь не дождёшься. Шлют вырезки из газет, журналы с откликами, афиши, фотографии. Жду сообщений из Болгарии, там тоже собираются что-то поставить.

31.01.81. Спасибо за книжку! (Сборник воспоминаний о Льве Квитко, составленный М. Петровским. Почему-то в Кандалякши прибыл целый контейнер, а в Киеве и в Симферополе эти книги не поступили даже в лавки Союза писателей – Я.М.).

... Ты что – только что родился на свет или до твоей ковдорской берлоги так долго доходит то, что нам, живущим ниже по меридиану, давно стало привычным и без чего мы просто жить уже не в состоянии? В таком случае, эвакуируйся ещё севернее. Там холодней и тебя примут тепло.

Ну пробудешь ты в своём Ковдоре некоторое время замом редактора (районной газеты – Я.М.). Тебе, что – там навеки оставаться? Твоё пребывание в Ковдоре через годик кончится. Потерпи. Побудь годочек в нашей шкуре.

Перечисляю названия своих книжек, которые вот-вот выйдут в Москве, но до Симферополя могут-таки не добраться: «Утренний поезд», «Хрюша обижается», «У меня полно хлопот», «Живой букварь», «Я великан» (перевод с аварского), «Петрушкин театр». Это те книжки, что не успели когда-то выйти, теперь выходят кучей. Сколько сможешь – столько купи!

А я болею. Сдвиги в сторону улучшения микроскопические. Если так будет продолжаться, то к моменту окончания жизни я буду здоров.

УМНАЯ СОБАКА

Редактор не самой крупной по тиражу газеты в Киеве, но весьма авторитетной по аудитории – печатного органа Краснознамённого военного округа – полковник Булатов любил приговаривать, что его должность сродни режиссёру в театре. Думаю, в советских условиях такое сравнение имело под собой основания.

С редакторами книжных издательств был меньше знаком, проработал рядом с ними около года. Правда, это было крупнейшее по названиям и тиражам издательство в Киеве – «Наукова думка». Мог бы рассказать о царивших там порядках, но не буду. К творчеству они не имели даже приблизительного отношения. Зато, там, где обрезать или вычёркивать – специалисты экстра-класса. Возможностей и полномочий хватало.

А могли бы пользу приносить. Как это делал рядовой редактор заштатного областного издательства в Мурманске Александр Борисович Тимофеев. Это он в тяжёлые для фотокора военных лет Харлея времена (того самого, автора снимка: «Знамя Победы над Рейхстагом») издал объёмный сборник фотографий мастера. Он же протянул руку помощи барду Александру Городницкому, когда того не подпускали на пушечный выстрел к печатному станку. Да что говорить, в столице Западного заполярья в восьмидесятые годы появилась серьёзная группа членов Союза писателей РСФСР. Всё благодаря стараниям рядового члена Союза журналистов, А. Б. Тимофеева.

... Признаюсь, не сразу понял, за что на меня обиделся Владимир Орлов. В ответ на мой радостный визг по телефону по поводу его стихотворений и эпиграмм в «Литературке» и «Крокодиле» – я их вырезал на память – Орлов мрачно произнёс:

– И ты туда же! Много развелось желающих вырезать мои стихи!

К сожалению, проявились в те годы, как нынче говорят на Украине, активисты. Зафиксировали не столько фамилию автора эпиграммы, на 16-й стр. «Литературки» в августе 1968 года, сколько его возмутительную национальность. И продолжали продолжать вычёркивать Владимира Орлова из редакционных и издательских планов. Везде, куда могли дотянуться в силу служебного веса. Последние десятилетия двадцатого века считались в наших широтах эпохой телевидения. Так вот, ни одна телестудия Советского Союза и возникших на его просторах независимых стран при жизни поэта ни разу не допустила его стихи в эфир. Не трудно предположить, тут не обошлось без строгого указания чиновника, стоявшего многие годы у кормила заглавного средства массовой информации. Про то, как сей деятель вычёркивал из репертуара и смывал плёнки известных певцов и певиц «не той национальности», хорошо известно. Стихи же Орлова вообще не прозвучали с экрана ни разу. За исключением шоу юмориста Михаила Задорнова. Там Орлова декламировали, но без указания... фамилии автора.

Внесли свою лепту в замалчивание (или в зачёркивание?) вклада Владимира Орлова и литературные чинуши. Тот же редактор журнала «Дружба народов» Баруздин (не парадокс ли, само название печатного органа диаметрально противоречило взглядам человека, подписывавшего журнал «В печать и в свет»). Старалась, как могла и такая одиозная фигура перестроечного и постперестроечного периода, как писатель Проханов. Тот самый, чей «профессиональный взгляд» до сих пор превозносит центральная телекомпания России, утверждая, что именно этот «инженер человеческих

душ» знает, почему «история сделала свой выбор». Будем надеяться, Проханов всё-таки переобулся. Хотя поверить затруднительно.

Если с оглядкой на метаморфозы, случившиеся со вторым секретарём ЦК КПУ Кравчуком. Всё меньше свидетелей его бурной активности в должности заведующего отделом пропаганды «Киевского ЦК». Могу лично засвидетельствовать: по указанию этого «певца за сценою» (в те годы вершители судеб не спешили казать своё личико) были в один присест вычищены из молодёжной газеты почти все лица с «пятым пунктом в паспорте и с горбинкой на носу». В том числе и я.

Порядки на идеологических фронтах породили мрачноватую шутку: «Если в Москве стригут ногти, то в Киеве режут пальцы». Кравчук тщательно, или, если по-украински, «ретельно» придерживался данного постулата. Не исключено, его за такую хватку журили, но всё равно считали ценным кадром. И двигали-двигали знатока «рідної мови» родом с Западной Украины по цековской лестнице. Вплоть до кресла второго секретаря ЦК.

Опыт борьбы за чистоту идеологии Кравчука очень пригодился. Прежде он и его прямые подчинённые не стеснялись возмущаться тем, к примеру, фактом, что в женских парикмахерских г. Черновцы на хорошо оплачиваемых должностях работают преимущественно мастера «не коренной национальности». После обретения Украиной независимости сей деятель с той же пеной ненависти у рта обличает происки России вообще и русских в частности.

В семидесятые, в один из приездов моих в Симферополь, В. Н. познакомил меня с новым членом семьи. Добродушная, пушистая «девочка», круглая, как колобок. Без конца ластилась, норовила лизнуть по носу. Внешний вид обманчив. Собака – представительница особой охотничьей породы, зубы загнуты назад. Способна вытащить из норы суслика, а то и лисицу.

В ожидании, когда же хозяин возьмётся за ум, то есть, пойдёт на охоту и её возьмёт с собой, Джулька (так, кажется, звали собачку) времени даром не теряла. Передушила в округе массу котов и пёсиков. Не только беспризорных. Хулиганку вынужденно держали под домашним арестом. Она и радовалась любому гостю. Опасаясь мести соседей, Орловы затворницу выводили на прогулку глубокой ночью.

Но стоило хозяину произнести заветное слово, как Джулька мигом принимала заветную стойку. Нет, не банальный «фас». Гость превращался во врага, когда команда наполнялась раскатистым «р-р», когда звучало слово «редактор!». Считайте, повезло, если обошлось рваной штаниной. Владимир Натанович долго объяснял, что к чему, но я отказывался верить. Тогда он спустил команду с губ...

По свидетельству Нонны Гавриловны, жены поэта, визитёры частенько покидали их дом в непрезентабельном виде. Нитки были в дефиците, далеко не всегда удавалось подобрать их по цвету.

Подозреваю, изодранных штанин было не меньше, чем истерзанных котов. Остаётся только догадываться, как Джулька реагировала на редакторш, облачённых не в брюки, а в юбки.

ПРОЩАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ

Перестройка развязала языки и пооткрывала плотины. До сих пор читаю книги, приобретённые в те годы. А самиздатовскую продукцию бывало за ночь проглатывал. Дошли, наконец, руки до толстых журналов. И то правда, газетные киоски тогда брали верх в конкуренции с книжными магазинами.

В житье-бытьё советских людей выросла привычка ожидать пришествия коммунизма. Однако неизменные посулы властей всё чаще оборачивались полной противоположностью. Читать тогда действительно было вдоволь. Остальные потребности приходилось постоянно урезать. Потому даже августовский путч и последующие события 1991 года воспринимались, как выход из тупика. Хоть какой-то.

В воздухе всё ощутимее пахло грозой. Однако приближение неизбежной развязки мы вряд ли ощущали.

21.06.88. *Вчера вернулся из пионерлагеря. Перед отъездом мельком виделся с твоими, Татьяной и Петей. Они загорели и посвежели. Устроил их в комнату в 100 м от моря. Подробности расскажут сами, не хочу их перебивать.*

Теперь о письме из издательства. Среди получивших такие письма есть и ты. Дело в том, что мафия нашего издательства больно сильно разгулялась. Противоборствующие силы объявили в прессе и по радио конкурс на читательские предложения по улучшению работы этой конторы.

Л. Ткаченко – коммерсант от литературы – расположил взятками издательство. «Твоё» письмо писал не я, я дал твой обратный адрес: п.г.т., Умба Мурманской губернии. «Письмо» твоё писали противоборцы. Теперь такие письма собраны и мафия приумолкла.

Что касается «Л. Г.», ты читаешь меня на 16 стр.? А коль скоро не читаешь, то и спроса с тебя нет. Я, например, больше читаю, чем пишу.

В Мурманской драме поставлены две мои пьесы – «Золотой цыплёнок» и «Шуришук». Так что я до твоих родных заполярных кругов добрался.

Со здоровьем – хо(хе!)рошо: потихоньку передвигаюсь, но скорость падает. Жена твоя расскажет.

Привет Белому морю от Чёрного!

25.12.90. *С Новым годом! Пусть он будет удачным, светлым и лёгким!*

12.08.91. *Не видишь моих стихов от того, что ушёл из детской газеты и не читаешь детской литературы. Хотя в недетской иногда тоже мог бы встретиться со мной. Очевидно, ничего не читаешь. Только пишешь, как я.*

Как твои дела? Нужно ли искать тебя в Киеве, если как-нибудь приеду?

24.12.91.

*Выпьем нашу водку
С удовольствием
И закусим ихним
Продовольствием!*

... На этом заканчивается советский период нашей переписки. С октября 1992 года мы с Орловым опять стали жить в одной стране, но она скукожилась до размеров Украины. Новый президент новой страны по фамилии Кравчук всё настойчивее требовал возврата на Малую Родину людей, разбежавшихся по Большой Родине. Даже карами угрожал. Не то, чтобы я испугался кравчуковских санкций. Мама умерла на излёте перестройки, квартиру в Киеве охранял один отец. А ему давно уже перевалило за восемьдесят. Сын в 92-ом закончит школу, ему в институт поступать. Лучше жить рядом. Да и случившиеся на Севере преобразования не вдохновляли. Привык, что отпускных – моих и жены – хватало на полтора месяца отдыха. В том числе в Киеве. На обильные витамины, на комфортное путешествие туда и обратно.

Зарплата начала улетучиваться в день получки. Отпускных, подсчитал, едва хватит, чтобы с двумя контейнерами добраться до Кандалакши, 100 км на пригородном поезде. А дальше как? Пришлось приватизировать шикарную редакторскую трёхкомнатную квартиру. С видом на озеро. Продать её. На вырученные 800 долларов (в пересчёте с рублём) добираться домой. Справедливости ради этих денег хватило на ремонт киевской квартиры, на другие платы осталось. В те месяцы шикарный обед в ресторане с выпивкой и заморскими фруктами обходился максимум в 1 (один) доллар с портретом американского президента.

В одночасье рухнули законы и положения, которые – при всех своих недостатках – поддерживали на плаву членов Союза писателей. Разве что некоторое время продолжала функционировать комиссия по защите авторских прав.

Спектакли в кукольных театрах продолжали приносить Орлову кукольный доход. При стремительно свирепствовавшей девальвации. Издательства – сменившие или не сменившие вывеску и принадлежность – в корне видоизменили свои взаимоотношения с автором. Перестали платить гонорары, зато вознамерились брать плату за печать и тираж. Появился оригинальный метод взаимозачёта. Неизвестное доселе издательство из города Днепропетровска выпустило в свет большим тиражом сборник В. Орлова «Еврейское счастье». К цитированию его полагаю вернуться попозже. Пока скажу, что вместо гонорара спонсоры послали автору контейнер с его книгами.

Не знаю, как у других знакомых Владимира Натановича, у меня торговля книжками не получилась. Дарить – от себя и по поручению автора – другое дело. Не смог освоить новую профессию и автор сборника. Пакеты с книжечками, размером в четверть тетрадного листа, украшенные запоминающимися рисунками, лежали в квартире поэта спустя пять и десять лет после его кончины. Татьяна Владимировна, дочь поэта, несколько раз высылала мне посылки с «Еврейским счастьем».

«КЛУБ КОТА БЕГЕМОТА» И «ХОРОВОД»

По возвращении с Кольского п-ва два раза редактировал в Киеве (по году или чуток дольше) частные газеты. Привлекал думающего читателя произведениями украинских авторов знаменитой 16 стр. «Литературки» – Владимира Орлова и Феликса Кривина. На предмет гонораров поставил хозяевам изданий жёсткие условия. Они согласились.

Письма Орлова стали более деловыми. Честно признаюсь, меня распирала гордость от возможности хоть как-то скрасить жизнь человеку, одарившего меня дружбой.

Прежде Владимир Натанович обычно клеил конверты из бумаги для машинописи. С начала девяностых он стал изготавливать конверты из серой, так называемой, обёрточной бумаги.

09.07.94. *Получил газету. Хорошая, сделана интересно и со вкусом. Несколько огорчительна публикация Руденкова – у неё не очень приятный запах. Надеюсь, это случайность, а не традиция.*

Спасибо за обильную публикацию! В будущем не давай так обильно, это ведь стихи. Витамины в большом количестве не усваиваются. И не части. Часто давать – быстро иссякнут. Извини, если заподозришь менторские нотки. Просто я с тобой без церемоний.

Недавно выслал тебе детскую подборочку. Думается, детский уголочек украсит газету, придаст ей некую домашнюю доверительность.

Юмористическую страницу предлагаю назвать «ККБ» – «Клуб кота Бегемота». Есть ведь «Клуб 12 стульев» по Ильфу и Петрову. Почему бы не открыть по Булгакову? Тем более, что он – киевлянин. Да и ККБ почти КГБ. Созвучие привлечёт внимание.

Обнимаю всех. В том числе и тебя!

17.07.94. *Жаль, конечно, что проездом к морю ты не заглянешь ко мне. Но ещё больше жаль, что не будет проезда к морю!*

У нас в Крыму относительно затишье: перед грядущей голодухой, безводьем, полным экономическим развалом, в который нас вверг Мешков и инвалиды умственного труда его Верховного Совета. Пользуясь этим затишьем, в Крым хлынул поток россиян. С рублями и баксами. Им здесь вольготнее, нежели в Сочи.

Что лично у нас? У нас пока на кухне газ. А было так, что его не было. Зато почти нет воды. Кто её выпил – неизвестно. Но кое-кого подозревают. Идёт усиленная подготовка к зиме. По TV объявили, что зима будет.

А я ещё изредка что-то царапаю. Жду выхода в 95-ом книжки в «Малыше». Там же – двух игрушечных переизданий. Это единственный островок, с которым ещё не разорвана связь.

Юра (сын Орлова – Я.М.), как я уже сообщал, живёт в Израиле. В ноябре будет год. Нонне открыли визу и где-то в сентябре она едет в гости. Дочь с мужем и младшим внуком живут в Юриной квартире и ждут окончания строительства кооператива. Может быть, в этом году переедут.

(Добавлю от себя. Владимир Натанович гордился успехами Юрия на литературном поприще, поспособствовал изданию в 1988 году его сборника фантастических рассказов «Здравствуй, Марabu», романа «Серебро морского песка». А в Израиле Юрий так и не прижился. Спустя 15 лет вернулся на землю отца и прадеда, продолжил осваивать ниву фантастики. Основные усилия сосредоточил на увековечении памяти отца. Юрий Владимирович составил и добился издания двух объёмных книг Владимира Орлова – к восьмидесяти и к девяностолетию со дня рождения: «Цветные слова» и «Бухта Баракта». А ещё выпустил сборник своих сказок, написанных «по мотивам» стихотворений отца – «Улица волшебных стихов». Как он сам объяснил, взял за основу формулу: «музыка такого-то на стихи такого-то». Получились «Сказки Юрия Орлова на стихи Владимира Орлова» – Я. М.).

А я подготовил небольшую рукопись виршей – «Еврейское счастье». Обещают (в который раз) издать. Этим и живу. Если можно назвать жизнью безвылазное сидение в хате. Ноги почти в полном отказе. Так что живу с двумя отказницами. В прошлом году на даче был один раз, в этом году – ещё ни разу. Моря даже во сне не вижу.

Где печатаюсь? В Питере, в Москве, в Израиле. Но не в Киеве. Получил письмо из Швеции, ответил. Кое-что им выслал, жду результата. Живу на иждивении пьес. Они, слава Богу, идут. В основном – в России. На Украине – тоже, но все их перевели на укр. мову.

Высылаю для твоей газеты всё, что попало под руку.

КОРОЛЕВСКАЯ БЛОХА

***В модном плаще
И сверхмодном берете
Едет блоха
В королевской карете.
Бьют барабаны
И трубы трубят.
И населенье
Построено в ряд.
В конном строю,
Позади экипажа,
Блещет оружием
Дворцовая стража.
Следом за стражею –
Слуги двора:
Певчие, лекари
И повара.
Но почему же
Молчит населенье?***

*Что-то не то у него
Настроенье!
Трубы трубят,
Барабаны стучат.
Толпы народа
Стоят и молчат.
Бедной блохе
Поплохело немножко,
Но отвернула она
От окошка...
Видимо, с улицы
Ветер донёс
Что-то похожее
На дихлофос.*

НА ПЛОВ

*– Здоров, баран!
– Здоров, здоров!
– Куда идёшь?
– Иду на плов!».*

03.08.94. *Чтобы моё письмо не шло порожняком, решил вложить в него детские вирши. Авось пригодятся газете.*

Что у меня? Работа, ожидание новостей, старость, болезни... Новости случаются не часто, но случаются. От этих случек повышается настроение. Твои звонки тоже имеют к этому отношение, не меньше, нежели письма из театров, из Израиля, Швеции, Калифорнии. Когда новостей поднакопится побольше, я тебе, если заинтересуешься, о них напишу.

Дома дела идут своим чередом. Работа на огороде, закатки на зиму. Переживания по поводу засухи. В том числе мозгов крымских руководителей.

К Земле обетованной – после обильной информации – перестал испытывать чувство благоговейности. Впрочем, Земля здесь ни при чём, а при чём люди, в основном аборигены. Но об этом при встрече. Или более в подробном письме.

11.08.94. *Спасибо за звонок и за весьма приятные сообщения. Даже в Израиле мне сейчас не платят за стихи столько! Впрочем, я ещё ничего не получил.*

Пишу по другому поводу. Я здесь дружу с городской газетой. Зам. главного редактора, очень симпатичная журналистка, ищет связи (творческие) с газетами за пределами Крыма, чтобы стать собкором по нашему региону. За порядочность и профессионализм Марины Косаревой – так её зовут – я ручаюсь. Если тебе нужен такой собкор, сообщи – я тебя с ней свяжу, для этой цели сообщи свои телефоны. Да и мне они не помешают.

Детскую страничку, вернее, уголок, можно назвать «Хоровод». Или «Весёлый хоровод».

19.08.94. *Как поживает «Клуб кота Бегемота?».*

22.09.94. *Для «Частного дела» (название газеты, которую я редактировал – Я. М.) материалы готовятся. Ты их в скором времени получишь.*

У нас тут не только холера, но и желтуха, и бр. тиф, и вши. А воды осталось – максимум на пару недель. Боюсь, что в связи с карантином Нонна застрянет в Израиле.

Жду от тебя вестей! Привет жене, сыну и твоему святому духу!

28.09.94. *Материал о студенческом бизнесе я тебе выслал, не нарушая его девственности, нарушай сам – ты моложе.*

10.10.94. *И вот я подумал: а чем «Частное дело» хуже «Литературной газеты»? Там напечатали недавно «Сказочки» В. Орлова, а в «Клубе кота Бегемота» их нет. И вот я настриг по сусекам немножко и высылаю. Нехай лежат.*

Важно, что ККБ набирает силу. Вскоре о нём, надеюсь, заговорят здесь и там.

12.10.94. *Принимай моего «Голубя мира», начиная с «Цыплёнка» и заканчивая «Вороной». Вложил бы в конверт и другие героев, но твоя газета без того утомлена Орловым. В игру я втянулся с головой, вербую для тебя авторов – хороших и разных.*

20.10.94. *М. б., я лезу не в своё частное дело, но вдруг и ты согласишься, что уже пора. Имею в виду «Карусель кота Бегемота». Одна девчушка из Евпатории принесла мне несколько рисунков, их вместе с виршиами высылаю тебе. Уверен, у кота Бегемота может быть своя собственность, в том числе «Карусель».*

Девочке из Евпатории я заплатил. В случае публикации ей высылать ничего не надо. Я ей сказал, что выплачиваю гонорар. Понимаешь, она потратилась на поездку в Симферополь и обратно.

01.11.94. *Всю минувшую тревожную неделю не писал. Только сегодня на рассвете появился стишок. Созвонился со спонсором из Днепра. «Еврейское счастье» сдано в типографию. Задержка из-за отсутствия обложечной бумаги.*

... Денег из киевского ВААПа ещё не получил. От них, практически, осталась четвёртая часть, когда получу – останется десятая. Вот такая защита авторских прав на Украине.

17.12.94. *С Новым годом! Остальное придумайте сами.*

*Дорогие М^ахлины!
(А, быть может, Махлины),
Мы за вас под свет Луны
По сто грамм бабахнули!*

Ваш папа Крымский».

НАДЕЖДА НА ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

13.02.95. *Хочется надеяться, что бандеролька не затеряется в пути. Книжка «Еврейского счастья» получена мною два дня назад. Идёт активная подготовка к её продаже.*

22.03.95. *Сегодня получил щедрый, как всегда, гонорар из твоей газеты. Это – главное событие дня. А на днях было ещё одно событие. Мой приятель из Севастополя отправился по делам в Киев и прихватил с собой «Еврейское счастье». По наивности своей, он зашёл в синагогу, к тому самому ортодоксу, что так взъелся на тебя и твоё предложение. Показал ему, бедняге, эту книжку. На бедного израильского раввина второй раз свалилось «Еврейское счастье». Такая же реакция, только более бурная. Ибо мой приятель имел смелость поспорить с руководителем синагоги.*

Таким образом книжка приобрела скандальную известность в религиозных кругах и, думается, не только Киева...

Высылаю детскую подборку. Авось пригодится.

27.06.95. *У меня нет сил. Вот уже месяц, как ни одной новой строки. Старые иногда дотягиваю.*

28.06.95. *Никак не приду в себя. Причин много, но есть главная – усталость. Хотел было написать «старость», но, предвидя возражения, решил изменить слово. Слово-то изменил, но ничего от этого не изменилось. Высылаю одну из сказок. Из издательства «Малыш» прислали оттиски моей книжки под названием «Приключения Капитанчика».*

10.07.95. *Что мы имеем на сегодняшний день? Надежду – на завтрашний. Вот уж завтра непременно что-то случится: здоровье улучшится, стихи напишутся, хорошее письмо придёт, друг позвонит, гонорар из «Независимости» пришлют... Так и летит время.*

Нельзя сказать, что ничего не случается. Недавно, к примеру, на меня приехали поглазеть две дамы из Ялты. Очень хорошие дамы, совершенно не тронутые цивилизацией. Вчера пришла бандероль с газетами «Частного дела», сегодня пакет с тонкой моей книжечкой из «Малыша». Три дня назад – бандероль с «Балаганом» и «Балагашей». Авось и завтра что-нибудь произойдёт.

Надо бы сесть за машинку и веером разослать вирши куда попало. Но при одной мысли о работе хочется немедленно лечь в постель и заснуть. Ибо только во сне чувствую себя здоровым.

Интересно, когда у тебя в твоей новой газете появится страничка с ККБ? Хорошо бы снова собрать под одной крышей прежних авторов?

Наш огород нас исправно снабжает кабачками, огурцами, малиной. Недавно сняли ведёрко персиков (ранних). Ждём поздние, ждём картошку, перец, помидоры. Кое-что поздно посадили – и наши овощи выбились из графика.

21.07.95. В американской прессе появилась рецензия на «Еврейское счастье». Дача даёт небывалый урожай кабачков. Завтра на два дня еду их пожирать. Из «Зеркала» и «Независимости» – ни копейки.

Иногда беспокойный спонсор «Евр. счастья» спрашивает, как идёт распродажа? Всё, что наторговал, отдал ему. В московской рекламной газете «Витрина», наверное, уже появился материал. Если повезёт, к спонсору должны пойти заказы из России.

Надоело получать по баксу за подборку. И писать стишки надоело. Скоро два месяца не пишу. И ничего – всё нормально. Тупею понемножку. И нахожу в этом кайф.

05.10.95. «Идёт еврей качается – пособие кончается». Это из «Балагана». Судя по некоторым приметам, ты тоже закачался. Из твоей газеты получил сто хренов. До сих пор за август не шлёт «Зеркало недели». Всех нас качает.

Зато ежемесячно получаю пакет с «Балаганом» и «Балагашей». Журналы шлют в качестве гонорара. Почти во всех – мои вирши. И на этом спасибо.

Почти кончился наш садово-огородный сезон. Почти весь урожай в банках. Только от этих банков у меня нет счетов. Готовимся к суровой зиме. Уже сейчас по много часов не дают электроэнергию. Зимой обещают давать не более десяти часов в сутки. Купили фонарь на аккумуляторах и японскую керосиновую печку. Ибо тепла тоже не обещают.

У меня резкий спад производства. Как пишу, так и дышу. А дышу с трудом, при помощи аэрозолей.

03.12.95. Не люблю, когда ты молчишь. Чаще всего – это не болезнь, а материальный кризис, от него все болезни.

Вот я имею право болеть, ибо накопил до хрена худ. произведений. А ты ещё не накопил до хрена, а всего – до колена. Так что, давай пиши, а потом болей. На здоровье. А чтобы сейчас болеть, надо в самом деле иметь здоровье!

Рад выслать тебе твою публикацию из Ростова. Когда старший товарищ говорит: надо писать и отсылать – надо слушаться старшего товарища.

А «Зеркало недели» таки не заплатило за август.

В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ – ТОТ ЕЩЁ СВЕТ!

02.01.96. *От тебя мы пока письма не получили, но «если юмор не доходит – почта не виновата».*

В 66-ом году я был в командировке в Хабаровске, побывал там в тайге, где стояли бараки для переселения евреев после «Дела врачей».

В киевском театре «Актёр» состоялась премьера по моей пьесе «Приключения капитанчика». Главный редактор республиканской редакции по драматургии Мин. культуры Украины сообщил, что «спектакль принимается бурно». Будет возможность – посмотри.

19.01.96. *Собрал до кучи всю эротику и высылаю тебе. А чтоб не говорил, что со многими моими виришами ты не знаком.*

Что у нас? На кухне слабый газ. Новый год – новые трудности. Привыкаем, лечение продолжается. Привыкаю. Старею. Привыкнуть не могу.

Из «Л. Г.» всё-таки гонорар прислали. Наверное, и тебе тоже. В планы издательства «Малыш» вставлена ещё одна книжка-малышка, их должно выйти уже пять. Надеюсь поддержать в руках.

Что происходит за стенами дома – не знаю. Как прежде – стреляют, воют в Верховном Совете, нищают, богатеют, роются в помойках... Из Израиля ежемесячно высылают журналы «Балаган» и «Балагаша». Вместо гонорара. И за это спасибо.

30.01.96. *Что-то во мне нарастает тревога. Какое-то ощущение беды. Возможно, это связано с разворотом России. Возможно, с беспределом на Украине, в частности – в Крыму. А м. б. – это старость, усталость, болезни.*

12.02.96. *Моя телефонная проволока стала действовать всё реже. Но, надеюсь скоро поговорим. Жизнь наша перешла в стариковское русло и движется по законам старости: болезни, отдалённость от главных магистралей, редкие звонки и письма.*

Пробую трепыхаться, работаю. Но всё реже отправляю написанное и совсем не так, как прежде, радуюсь публикациям. Случайно узнаю, что мои письма не доходят до адресатов, а их письма не доходят ко мне. Рвутся связи с внешним миром, всё острее ощущаю свою не востребованность. За бугром и на том свете близких мне людей намного больше, чем рядом. Моя дорога на тот свет гораздо короче, чем за бугор. Если ко всему сказанному прибавить предчувствия по поводу нашей общей судьбы, раздумья о ней, и бессилие что-либо изменить в лучшую сторону, то – никакого света в конце туннеля. Разве только – того света. Прерываю письмо, ради экспромта:

***Наш мрак не вечен,
Смотри, земля! –
Тот свет замечен
В конце туннеля!***

И тут же – звонок твой, «Балаган» с частушками, перевод из России аж на 16 тысяч... Не так уж много надо, чтобы легче задышалось.

26.02.96. *Понаехали ко мне добрые люди из Севастополя: радио, TV, еврейское общество. Терзали несколько часов. Разрешалось всё, вплоть до матюков. Что я им плёл – вспомнить не могу, но было весело. Самое интересное – всё записанное на плёнки и не услышу, и не увижу. Мы в Симферополе не принимаем ни Севастополь, ни Израиль. Гонорар не обещали. Это лучше, нежели обещать, как делал наш знакомый.*

Праздник начался утром, ещё до приёма гостей. Получил бандероль из «Малыша». В ней оказалось два договора на книжечки и ксерокс картинок из «Книжного обозрения» – с фотографиями книжечек, в том числе двух моих, о выходе которых я не подозревал. Плюс две вырезки из того же «К. О.» с рейтингом отечественных писателей (у кого больше тираж), письмо в мой адрес – с поздравлениями. В одном случае я на третьем месте после Пикуля, во втором я на первом, а Пикуль на третьем.

Чем не реклама? Но за рекламу платить может только коммерсант от литературы. Очень жаль, что наш общий друг скурвился. Я его вычеркнул из своей жизни.

Кто такой Русаков – не знаю. Но если его молодая жена решила на мне сделать докторскую, то ей, бедной, придётся слишком долго на мне её делать.

Я так озверел в своём заключении, что просто боюсь общения с такими тонкими и очаровательными людьми, как Юрий Вадимович Шанин. Где-то в глубине моей души после твоих рассказов о нём живёт лёгкая нежность к этому человеку. Привет ему и куча нежных матюков от всего сердца!

Вечер. Чувствую себя так, как будто на мне полдня делали докторскую. Завтра закончу, а сейчас пойду спать.

Утро. До почты ещё полтора часа, что не означает, что в ящике что-то окажется. Да и по правилам игры сегодня – пустой день. Нонна собирается в город, она и отправит это письмо. Прикрепляю свежие четверостишия. Выбери, какие захочешь:

СЛУХИ ПОДТВЕРДИЛИСЬ

*Назначен Лев
Царём зверей,
Хотя, по слухам,
Он еврей.*

НЕВЕЗЕНИЕ

*С подругой у питона
Невезение –
Его судили
За поползновение.*

Правила игры оправдались: почта ни хрена мне не принесла.

12.03.96. Получил некролог по случаю моей кончины – в детской газете г. Херсона. С трепетом прочитал о том, какой я известный, талантливый и т. д. Не каждому при жизни выпадает читать некролог про себя. Случись такое на Западе, представляешь, как бы я разбогател, подав в суд на газету!

Твою адвокатскую речь в защиту нашего общего друга прочёл внимательно, но остался один вопросик. У него за сравнительно короткий промежуток времени хватило средств побывать в Америке, в Израиле. Не завидую, всем желаю доходов, чтобы они позволяли кататься в дальние страны. Только вот за произведения, взятые у меня для учебников и для прочих публикаций, не заплачено ни купона. Ни бакса. Более того, у него не нашлось денег даже на конверт, чтобы за несколько лет ответить мне на письмо, причём весьма и весьма уважительное. Всё это пахнет старым еврейским чесноком.

12.03.96. Вербин (многолетний сотрудник «Крокодила» – Я.М.) с семьёй в Чехии. В письме он описывает прекрасный городок Ческо-Будейовец. На 100 тысяч населения несколько театров, филармония, консерватория, планетарий. Стоимость жилья раза в три дешевле, чем в Москве. У них великолепная квартира в новом районе. В лесу спокойно бегают зайцы и олени. Воздух реликтовый, отношение чехов – благожелательное. Вербин обрёл своё истинное лицо – стал Вербером, ибо его папа – немец, расстрелянный до войны советской властью.

В гостях у меня был американский раввин, которого сюда прислали вести службу в синагоге. Приехал с молодой переводчицей, ибо может общаться только на иврите и английском.

Прими на прощание миниатюру из эротического цикла.

ОЧЕВИДНОЕ-НЕВЕРОЯТНОЕ

*У супругов-лесбиянок
В понедельник, спозаранок
Чудеса, чудеса –
Мальчик с пальчик родился!*

25.03.96. *Взялся за письмо потому, что передо мной блокнот, присланный вместе с 3-килограммовым довольно дефицитным словарём из Израиля. Местные новости: вчера неподалёку прогремели два мощных взрыва – на территории магазина автосервиса. Новости из-за рубежа: в Москве две публикации: – в «Л. Г.» и в «Экспресс-газете». Приятных последствий пока нет.*

26.03.96. *Вижу только дорогу. Что там по бокам – почти не вижу. Видят те, кто едет на мне. Я ведь лошадь, старая, заезженная. Лошадь, бывший жеребец, рождённый под знаком Девы. Они-то и заездили.*

Рад, что ты в штате (в газете «Киевские новости» – Я.М.). Только не надо, прошу тебя, взвинчивать мои гонорары! От этого я богаче не стану, а в глазах газетчиков буду считаться рвачом. Сколько дадут, столько и стою. Многие совсем не платят, видно не знают, сколько. Такой вот я у тебя бесценный.

Пороюсь по сусекам. И то, что попадётся на глаза – вышлю. Сам распорядишься – что годится, отдашь в газету. Через несколько дней приведу в порядок резервы и вышлю «ударный отряд».

Домашние дела – в том же исполнении: ждём тепла, чтобы начать сельхозработы на даче. Болеем. Иногда пишем. (Одни пишут, другие пашут).

Знакомый журналист должен вернуться из Штатов. Надеюсь, услышать что-нибудь приятное о своей будущей книжке. Честно, говоря, переживу и неприятные новости. Не в первой.

Привет твоей работающей супруге. Пусть дружит с турками и учит их разумыязыку. Скоро они станут хозяевами Крыма. Тут многие отдают своих детей – русских и украинских – в татарские школы.

29.03.96. *Если бы я сокрушался по поводу таких мелочей, как поэтическое творчество Кричевского! Выключай телевизор – и нет проблемы. Есть и другой способ: извлекай пользу, пиши и получай гонорар! Нехай Кричевские приносят прибыль, то бишь доход, в семейный бюджет. Бери пример, моя «мясорубка» питается исключительно за счёт всего того, что происходит вокруг.*

Весна у нас затяжная, как чеченская война. Наш домашний десант никак не может высадиться на даче: то гололёд, то снег, то дождь. Приближается еврейская пасха. Погода подыгрывает антисемитам. Хотя, если рассуждать по-крестьянски: такая погода способствует будущему урожаю. А где спасибо?

06.04.96. *Меня лично и мне подобных убеждать в мракобесии авторов «Вечернего Киева» не надо. Но есть молодёжь, которая почти ничего не знает о трагедии «Бабьего Яра». Очень хотелось бы, чтобы ты восстановил статью и сделал её достоянием не только украинских, но и российских читателей. Даже израильских.*

Севастопольский театр обрушил на меня идею написать пьесу о моём предке-кантонисте. Но для того, чтобы пьеса была исторически достоверной, необходимо

перелопатить массу материала, что мне не под силу. Или найти книжку под названием «Берко-кантонист». Автор Григорьев, первое издание вышло в 1929 году. Читал эту книжку году в 49-ом. Её здесь ищут, но пока безрезультатно. Обратись к Ю. В. Шанину. Может быть, имея связи с библиотеками, добудет для меня эту книжку месяца на два?

Наступает вербная неделя. Когда она совпадала с еврейской пасхой, обычно бывало холодно и всё валили на жидов.

12.04.96. *Днями позвоню, если будет «прóволочка». А пока с прóволочкой – проволóчка. Вокруг – мёртвый сезон – ни звонков, ни писем, ни переводов. «Деловая» молчит, «Панорама» не откликается, журнал «Радуга» обещает. Это о Киеве. Иногда шевелится Россия.*

Высылаю на всякий случай то, что мне кажется новым, хотя могу и ошибиться.

Передо мной возникают картинки из жизни предка-кантониста. Возникают и накапливаются.

25.06.96. *Всё никак не отойду от пьесы. Вчера к ней опять вернулся, хотя был почти уверен, что мы надолго расстались. Наша обоюдная любовь длится пятый месяц. Подозреваю, что эта неистощимая дама будет держать меня возле себя до осени. Пока не появится новый мужчина в лице режиссёра. Таковой уже наметился – главный в театре «На Большой Морской», г. Севастополь. Это молодой профессиональный театр, который и подвиг меня на создание пьесы. Высылаю подборку «Придворные хроники», случайно в неё втесались и посторонние вирши. Сам разберёшься.*

Лето в разгаре. А я сижу дома. На даче отключён свет, в связи с его отсутствием не работает скважина и холодильник. Может быть, на днях уболтаем электрика и я уеду из города дней на двенадцать.

21.07.96. *Недавно вернулся с дачи (расположена в горах, между Симферополем и Бахчисараем – Я.М.), где в течение двух недель предавался восточной лени. Лениво ел, спал и думал. И невзначай кое-что придумал для пьесы. Правда, всего одну сценку на две страницы. Приехал в Симферополь, а здесь меня ждёт наш общий друг (Позволю себе опять упустить фамилию этого товарища – Я.М.). Привёз он хрестоматию, в которой около половины его вещей. Остальные, кроме Хармса, – евреи: лично он, плюс Орлов и Остер. Он хотел было дать мне адрес, где можно попросить гонорар, но не вспомнил. С тем и уехал. Хрестоматия эта – для 3–4 классов. Среди моих виршей (не самых ударных) полно взрослых стихов из юмористической книги. В ответ на мои ??? наш друг сказал: «А мне они нравятся!». Обещал он конце августа ещё раз переночевать перед поездкой в Израиль. Нынче он ночевал перед поездкой в Израиль своей жены. Жену его я не застал.*

Наша переписка с тобой и перезвон притормозились. Считай, мы на каникулах. Своим посланием прекращаю эти каникулы. Высылаю, наконец-то пьесу «Шолом, солдат!». Эпиграф «Прадеду моему – кантонисту». Интересно, что ты мне скажешь? Пока её берут к постановке в этом году. Если меня подстерегла удача, то, м. б., возьмёт ещё кто-нибудь. Буду ждать двух событий 1. Постановки в Севастополе, чтобы определиться со сценическим вариантом. 2. Решения Министерства культуры Украины по поводу других театров. Если пьеса придётся ко двору в Киевском еврейском театре (говорят, такой имеется) – возражать не буду. (Насколько знаю, дальше разговоров о возрождении еврейского театра в Киеве дело не пошло. Актёров довоенного призыва, сразу после 45-го запроторили в Черновцы и там тихо прикрыли. В оккупацию здание Киевского еврейского театра было уничтожено, на его месте – помпезный, в сталинском ампире кинотеатр «Киев», на два зала – Я.М.). Но лучше было, если бы его поставили для широкой публики в русском или украинском драмтеатре.

Вся остальная жизнь нынче подчиняется пьесе. Думаю, так будет до глубокой осени. При возможности – позвоню.

P.S. Ох и давно написано это письмо! Недели три назад. Телефон, который оставил мне наш друг, оказался фальшивым. Моя телефонистка семь раз звонила и всё безрезультатно. Потом предположила, что это – факс.

07.12.96. *Во-первых, моя «проволочка» в отпуске, потому не звонил. Во-вторых, в моём возрасте свойственно болеть. Потому и не писал. В-третьих, четвёртых, пятых... Не буду продолжать, ибо всё это суета и томление духа. Лучшие о надеждах на будущее. Такие надежды засветились из-за морей и океанов. «Еврейское счастье» намереваются переиздать в Израиле и Филадельфии. Но если из Израиля дошли сведения о какой-то оплате, то в США этим делом занимается какой-то благотворительный фонд. Но дарёному коню в зубы не смотрят.*

Дома – тихо. Иногда с улицы доносится пальба. На дачу был совершён маленький налёт, после чего поставили на окна решётки. Теперь она похожа то ли на крепость, то ли на тюрьму. В остальном – прекрасная маркиза!

21.12.96. *Выходит, Коротко (в тот год – зам. министра здравоохранения и стихотворец – Я.М.) за свои публикации в «Киевских ведомостях» платит, а не получает. Ежели газеты приучат к такому правилу, а к этому, кажись, идёт, то печатать будут только богатых. Представляю, какой «богатой» станет литература. Это уже проявляется. Недавно одна состоятельная дура из Запорожья прислала мне оттиски своей детской книжки. Жаль, выбросил их в корзину. Ты бы потешился. А в общем-то не до смеха. Эти придурки, жаждущие славы, подняли руку уже и на детскую поэзию.*

Получил письмо от приятеля из Израиля. Он выехал туда из Севастополя. Там ему и материально, и физически легче. Но как литератору – трудней. Так что даже там, где нас с тобой нет, живётся не очень весело.

Известия из Израиля и Бруклина меня согревают, но я уже привык хоронить надежды. Так что не принимаю близко к сердцу эти сообщения. Из театра «Актёр» афишу так и не получил. С необязательностью своих корреспондентов сам становлюсь необязательным и удивляюсь тому, что пишу тебе ответ.

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

16.01.97. *Потерпи до тёплых дней и мы посидим у камелька на моей даче, послушаем птичек, вдохнём воздух, пропитанный дымком от шашлыка, вкусим сухое крымское вино, а ночью – поговорим со звёздами. Не забудь прихватить Петину подзорную трубу: она позволит приблизиться к звёздам, к Луне, к дальнему лесу и к соседскому двору. Возможно, твой приезд совпадёт с приездом моего сына, или Леравинского, или Сороки. А нет, так нам и вдвоём будет хорошо.*

Чертовски устаю. Не от работы – от болезней, от ожидания хороших вестей. Нонна купила мне хороший тёплый свитерок, я в нём стал похож на настоящего писателя, хотя писать он чего-то не помогает.

Не подумываешь ли ты слинять за бугор? Был бы я помоложе, м. б., и слинял бы. Леравинский удивляется: как можно жить в этой серой мышинной норе?

М. б., уезжают рисковые, храбрые люди, а мы, жалкие трусы, остаёмся в своих норках, боясь высунуться наружу? И признаться в своей трусости боимся? А? Сколько можно любить тех, кто тебя презирает?

Прости за риторику – нашло что-то. Всё равно никуда не слиняем. И за наши страдания будем вознаграждены. Не здесь, так там. А м. б., и здесь доживём до хорошей жизни?

02.03.97. *Даже если бы за минувший февраль мною было бы от тебя получено письмо, я бы на него не смог ответить. Если бы ты позвонил, не смог бы с тобой говорить. Так меня измотал грипп, а потом его последствия. Но вот уже второй день чувствую себя лучше.*

Книжка в Израиле (переиздание «Евр. счастья»), о которой так долго писал журнал «Регтайм», лопнула вместе с журналом. Такое же переиздание лопнуло в Бруклине. Вместо обещали выпустить детскую цветную. Но вскоре сообщили, что будет не цветная, а чёрно-белая. Жду, когда сообщат, что и чёрно-белая накрылась. А ведь самое захудалое издательство в Москве давно чёрно-белое не выпускает. Но что поделать? Дарёному коню под хвост не заглядывают. От вступительной статьи Ю. В. Шанина для детской книжки остался последний абзац, очень остроумный. Но если выпуск книжки накроется, то похоронит под собой и этот хороший абзац.

12.03.97. *Возможно, из Евпатории девочка Вика пришлёт рисунки к детским стихам. Когда-то ты её публиковал в «Частном деле».*

Девчонка в прямом смысле голодает.

Да, моя частушка на конкурсе газеты «Вокруг смеха» получила первую премию:

***Я с милёночком рассталась –
Он семьёй не дорожил:
Всё, что мне предназначалось,
На парламент положил.***

13.03.97. Всё, что оказалось под рукой, сгрёб в кучу и отправляю. За подборочку не краснею. Просто, возможно, что-то повторяется. Весь февраль жестоко болел и ослаб. На голову – тоже. До сих пор не очухался. Если и пишу, то только письма и только тебе.

Звонил от имени 16 стр. Хмара. Просил фельетоны, максимум на 2,5 стр. на машинке. Фельетоны могут быть абстрактные, но с намёком на сегодняшнее начальство. Попробуй!

Виноват перед Шаниным. Но просто так писать ему не могу, а для не просто так не хватает напряжения. Привет ему. Самый нежный!

А ты не забывай, что в Симферополе у тебя живёт слепнувший дружок. Пишу тебе одним глазом...

25.04.97. Одна пасха сменяет другую. Не успела кончиться маца, как вот-вот начнутся куличи и яйца. Только погода никак не уравнивается: то жара, то холодный ветер, то дождь, то снова ветер. И звёзд ночной полёт. Над городом висит комета и что-то предвещает. Нам с тобой – гонорар из газет, а бедняге Черномырдину – акции! Ещё несколько миллиардов.

Мне звонил А. Каневский из «Балагана». Спросонок не понял и говорю ему: «Каневский? Я тебя не узнал!». Он не догоняет: «Мы же с Вами не знакомы...». Тут я проснулся и кричу: «Это ты, Сашок?». А он: «Вовчик! Теперь я тебя узнал!».

Каневский сказал, чтобы я не волновался, ибо журнал теперь выходит в спаренном виде, один раз в два месяца. Зато приложение – газета «Неправда» – скоро начнёт выходить в Киеве. Так вот поговорили. Вслед пришёл пакет с журналом, а на пакете – нетронутые марки на 6 шекелей. Я их отклеил и переслал Сороке, он использовал эти марки для присылки своей книжки «За стеной плача».

А как тебе новый стишок?

***Рувим решил податься в христиане,
Но, чтоб в конец не изменить Творцу,
Он как-то перед пасхой утром ранним
Отправился к попу святить мацу.***

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

12.06.97. Кажется, поставил точку на рукописи для издательства «Сталкер». Обещают выпустить книжку объёмом в 400 стр. В июле. Деньги тоже обещают. Получил ностальгическое письмо от Ефима Чеповецкого. Он без зазрения совести утверждает, что мои вирши знают в США, что «Евр. счастье» пользуется успехом. А я в ответ тоже пошутил, написал, что, если ему есть о ком и о чём писать и не платят так же, как мне, пусть он считает, что живёт в родном Киеве.

(К письму Владимир Натанович приколот несколько эпиграмм под общим заголовком «Вести с Украины». На дворе 2021 год, прошло почти четверть века. А что изменилось? Разве контингент пенсионеров. Но живут они теми же заботами – Я.М.).

ДИЛЕММА

**Старики очки надели:
«Как теперь с продуктом быть?
Поделить на две недели
Или кошку накормить?».**

02.08.97. Пришёл перевод на 40 грн. Оказывается от тебя. Мерси! И за звонок – тоже.

С издательством «Сталкер» заминка – переделывают обложку. Надеюсь, в конце августа вышлю тебе книжку. Нужно быть долгожителем, чтобы, пережив все заминки, дождаться того, чего ждёшь.

Днями всем на зло поеду на дачу. И без вас всех буду жарить шашлык в камине и запивать красным сухарём.

Да! Пришло известие из Москвы: мои детские вирши включены в антологию «Русские поэты – детям. XX век». Антология выйдет в конце года.

19.08.97. Вчера думал о тебе. Как видно, ты телепатически со мной о чём-то говорил. А я тебе отвечал.

Объявилась вдруг одна женщина из Москвы, позвонила, назвалась. Оказалось, много лет мы с ней встречались на 16-й полосе. Зовут её – Инна Гамазкова. Сейчас она работает в толстой детской газете «Жили-были». Попросила что-нибудь прислать. Выслал и забыл. Днями письмо: стихи в полосе, пошли в номер. Кстати, женщина действительно способная. Вот пример:

**По весне лягушки
Скачут друг на дружке.
Начинается играй,
А кончается икрой.**

Правда, хорошо?

31.08.97. Вот и лето прошло, а мы так и не повидались. Грустю.

В основном занимался технической стороной: составлял рукописи, дополнял. Наконец, сдал и теперь жду результатов. Обещают в этом году. Книжки будут несколько прикладные – для школы. Это те, которые крымские. Московские – будут поэтическими, хотя в прозе.

Ты намекнул на возможность публикации пьесы. Не возражаю, хотя не считаю её законченной. Никак не наберусь отваги снова засесть за работу. А надо!

Мерси за публикации. Новая твоя газета хотя и районная, но вполне столичная и сделана со вкусом.

По моим разведанным в Киеве скоро начнёт выходить газета «Неправда» (приложение к «Балагану») и дайджест «Московского комсомольца».

22.10.97. С удовольствием поделился бы новостями, но, кроме давления 220х120 у меня вроде бы ничего и нет. Впрочем, от давления, кажется, на некоторое время избавился. Вчера. Пришёл хороший гость, принёс какой-то странный коньяк под названием «Пиньяк». Я дёрнул грамм 50 и через полчаса вдвое упало давление, до 130х70. Сегодня утром измерил: 140х90. У Нонны – 180х120. Заставил дёрнуть пиньячку гр. 30. Спустя полчаса – 140х80. Итак, я бросаю курить и начинаю пиньячить. И всем советую нормализовать давление.

Звонила неизвестная дама из Цюриха. Попросила сказки – короткие. Если даме не нужны длинные – это меня только радует. Выслал. Ответа не жду, т. к. не надеюсь. Но приятно.

Из Израиля письмо идёт пять-восемь дней, из Москвы – 20–25. Да, в Киеве открылся новый журнал «Та-ра-ра». Сообщили, что я – член редколлегии. Журнал делают некие Гоцуленки – муж и жена. Первый номер выйдет в начале ноября. Обещают полновесный гонорар. Поверим.

18.12.97. Вчера после упорного, порой непосильного труда, закончил «Азбуку» для детей. О новых, планируемых для Киева изданиях – «Неправда» и «Балагаша» – уже писал. Л. Каневский хочет, чтобы я стал членом редколлегии журнала. М. б., наконец, что-нибудь обломится. И я впервые что-нибудь поймею от евреев. А пока жизнь пролетает мимо моего полустанка.

Вчера закончили запись фонограммы для «Каштанчика». Если пьесу возьмут к постановке – готов выслать кассету. Музыку записывали на чужой «Ямахе», за что заплачены деньги. Так что, в ответ на кассету, театр пусть пришлёт часть затраченных денег, хотя бы 100 грн. А музыка – отличная!

05.03.98. В местной прессе опубликован список соискателей Госпремии Крыма. Я – в номинации «Детская литература». Выдвижение ещё не означает вручения. К этому делу отношусь скептически. Но если дадут, то у тебя будет друг-лауреат.

Снова ушёл в детские стихи. На взрослые не стоит.

09.07.98. *Всё труднее заставить себя садиться за рабочий стол. Всё реже появляются вирусы. Привыкаю и к этим переменам в жизни.*

Премия ещё не выдали и неизвестно. Пять месяцев зять не получает в аэропорту зарплату.

04.03.99. *Наконец собрался тебе черкануть пару нежных слов. Помню тебя, люблю и ещё раз люблю. Порой переживаю: как обстоят дела с работой? Как дела у Пети? Побывал ли ты у него в Харькове?*

Сестра с мужем в Германии. Он пьёт пиво, она льёт слёзы – ностальгирует. Со мной вдруг стала заигрывать Москва: прислали договор из ООО при газете «Труд». Собираются использовать мои произведения в приятных для меня и для них планах.

Скажу по секрету: теперь меня называют Орлов-сан. Япония интересуется.

Хочется сообщить побольше приятных новостей. Сижусь и придумываю.

Когда придумаю что-нибудь новенькое – ещё раз напишу. Придумай и ты что-нибудь.

30.09.99. *Меняю стихи на почтовые переводы. Болезни мешают быть подробным. Прости за короткую записку. А ты пиши мне длинные письма. Ты моложе.*

НУВОРИШИ

Выше цитировал письма Владимира Натановича конкретному человеку, т.е. мне. Потому, позволил себе вмешательство в текст путём сокращения информации и фактов, которые вряд ли интересны посторонним. В сентябре 99-го В.Н. Орлов отметил свою 69 годовщину. Спустя считанные недели его не стало. Доконала боль в позвоночнике – следствия травм, полученных в десантных войсках, где он проходил срочную службу.

(Купол неба, да ещё во времена, когда парашюты не отличались совершенством, был сопряжён с риском для здоровья, а то и жизни. О службе В.Н. в десантных войсках я слышал и не раз, но вряд ли от самого поэта. Не любил он распространяться о перипетиях своей судьбы.

Эти воспоминания послал сыну Орлова, отдельно попросил уточнить, когда отец увлёкся парашютом: до призыва в армию или всё-таки после? Передаю слово Юрию Владимировичу:

– Это было папино увлечение небом, просто записался в ДОСААФ и пошёл прыгать. А после армии или до – сейчас я что-то засомневался, когда точно. Кажется,

после, потому что что в армию его забрали чуть ли не с корабля, где он служил матросом в гидрографии).

Телефон-телефоном, но письмам поэт больше доверял и доверялся. Нарастало удивление, с чего это вечно подтрунивающий В.Н. вдруг перешёл на нежные интонации? А это он прощался... Дошло до меня после грустного звонка Нонны Гавриловны.

Не смог я полететь в Симферополь, отдать последний долг. Остался без работы. Обе мои частные газеты одна за другой перестали быть нужными своим хозяевам. А сына моего, у которого прорезался талант филолога, выперли из Киевского университета. По до боли мне известным причинам. Спасибо профессору Ю.В. Шанину, его стараниями сына приняли на ту же классическую филологию в Харьковском университете.

Владимир Орлов, Феликс Кривин и некоторые другие авторы с 16-й страницы «Лит. Газеты» подняли планку обоих изданий, которые редактировал. Газеты заметили, они раскупались в киосках. После закрытия, в портфеле редакции оставался приличный запас. Посчитал своей обязанностью его пристроить.

Сунулся с предложениями к удачливому гл. редактору широко рекламируемой газеты. Неделью ждал решения, другую. Наконец, меня допустили в кабинет, увешанный с потолка до пола фотографиями хозяина в окружении разнокалиберных знаменитостей. Главный спрыгнул с кресла, ткнул себя кулачком в грудь, изрёк:

– Стихи да эпиграммы мы отбросим сразу, вчерашний день. Людям нынче не до рифм. У Кривина, в основном, проза? Ну и что? Кто теперь его знает? Вот если бы он написал нам о подпольном публичном доме в Закарпатье, тогда – да. А так – не наш он автор. Печатать не будем.

Запал в уши спич того же редактора на редакционной летучке. На полном серьёзе босс утверждал, что активное вмешательство литературных редакторов в текст повышает читабельность. А заголовки следует искать под ногами, то есть в самом тексте. Поневоле припомнилась присказка старых газетчиков, что телеграфный столб – хорошо отредактированная сосна. Да как иначе, если литправкой в той газете занимались люди, для которых переливание мыслей в слова – механический процесс. Без творческого озарения.

Довелось присутствовать на собеседовании (кастинге), где подбирали сотрудников для новой газеты. Вербовщиков интересовали исключительно неофициальные связи претендентов – в государственных, силовых, правоохранительных структурах. Вопрос: владеет ли соискатель журналистской работы пером? – даже не рассматривался.

Вскоре прихватил запасы юмора и сатиры, и поехал в «Зеркало недели», считавшимся респектабельным. Еженедельник обзавёлся даже заведующим отделом юмора. От стихов зав. отделом отказался, зато подборку со свежими прозаическими миниатюрами Феликса Кривина взял. Обещал поместить в ближайшем номере. Не поместил. Спустя месяц или полтора зажал заведующего в угол и потребовал ответа: опубликует или нет?

Специалист по юмору признался:

– Готовлю большую подачу своих карикатур. Придерживаю Кривина, чтобы у рисунков имелся хороший фон...

Прошло пять, десять, пятнадцать, двадцать лет. В Киеве, на книжном базаре рядом с метро «Петровка» («Почайна»), можно купить книги Орлова и Кривина. Издают их за границей, Украина экспортирует. Хотя Феликс Давыдович продолжал нахально гнуть свою линию. Так и не научился писать репортажи из подпольного публичного дома.

... Газетные рубрики со временем «в привычку входят, ветшают, как платья». В бывшей моей газете «Комсомольское знамя» (изменившее название на «КоЗу» и «Независимость») в девяностые годы появился пренебрежительный раздел: «Стишки». Возможно пока это определение относилось к произведениям иных авторов и самого заведующего отдела Михаила Френкеля, некоторый сенс в такой рубрике имелся. В качестве намёка. Редакция, дескать, знает цену предложенному товару, однако ничего поделать не может – лучшего под рукой не оказалось.

В эту газету тоже отнёс часть запаса. Открывали подборку эпиграммы Владимира Орлова. Зав. отделом Френкель поместил их в ближайшем номере. Под возмутительным грифом «Стишки». Рядом не постеснялся отвести место собственноручным четверостишиям. Разумеется, никакими уничижительными определениями их не снабдил.

Из-под пера Владимира Натановича выходили отнюдь не бабочки-однодневки. Спустя годы и годы после смерти поэта его сатирические произведения украсили несколько томов отменной серии «Антология Сатиры и Юмора России XX века». Составители сборников не дураки, они отлично понимали: без «Орлова из Симферополя» антологии будут не полными. Хотя, разумеется, львиную площадь отвели собственным сочинениям. Опять же у поэта из провинции отбирали далеко не самое яркое. Чтобы их собственная продукция не поблекла рядом.

Но я отвлёкся. Вскоре после выхода в свет злополучного номера «Независимости», поднялся на шестой этаж бывшего «Дома печати», спросил у Френкеля:

– Как же у тебя поднялась рука назвать эпиграммы Орлова стишками?

Член редколлегии «Независимости», «Заслуженный журналист независимой Украины» меня не понял:

– Давно веду в газете юмористический отдел, и никогда ни от кого не было претензий...

Как тут возразишь? Попытался изложить свою мысль в сокращённом до трёх букв варианте. Всё равно зав. отделом меня не понял. Остался при своём мнении, что он, именно он, сделал одолжение поэту Орлову, вписав его фамилию в гонорарную ведомость.

ПОВСПОМИНАЕМ И УЛЫБНЁМСЯ

Несколько поколений читателей выросло на стихах Владимира Орлова. Благодаря газетам и журналам, книгам и некогда популярной радиопередаче «С добрым утром!», мультикам и спектаклям кукольных театров. Давайте повспоминаем вместе.

Картинка-пейзаж с крокодилом в роли охотника:

*Плыли тучки в синеве
Над овечкой с бубенцом.
Крокодил лежал в траве,
Притворялся огурцом.*

Ещё о крокодиле.

*– Спасите! – кричит аллигатор,
Я лапы обжѐг об экватор!
А мама пожала плечами:
– Здесь надобно ползать ночами.*

А что скажете о хорошо воспитанном дятле?

*Дятел, даже молодой,
Вежливая птица:
Он всегда перед едой
К червячку стучится.*

Как положено стихам для малышей, у Орлова они звонкие, легко запоминающиеся, пропитаны золотым крымским солнцем и оздоровительным морским воздухом. Повзрослев, в любившихся строках читатели удивлялись прозрачным намёкам на окружающую действительность. И не когда-нибудь, а в самые застойные времена.

*Бредут верблюды равномерно,
В ноздрях верёвочка у них.
Куда-то вдаль шагает первый
И за нос водит остальных.*

Ко всему прочему Владимир Натанович доказал, что дети могут с первого раза запоминать строки, вообще не скреплённые рифмами. Вот концовка одного из стихотворений о чёрном пуделе:

*– Наверно, я честный,
– Задумался пудель.
И лапой затылок себе почесал.
– Но если старушка
Мне дом доверяет,
Зачем же буфет
Закрывать на замок?*

Дети смотрят на окружающий мир глазами своего поэта. Потому всё вокруг кажется добрым и ласковым. Окрашенным светлой улыбкой...

*Возле дома,
На площадке,
С братом я
Играю в прятки.
Я братишкой
Дорожу –
Я его не нахожу.*

*Ой, беда,
Беда, беда!
В речке кончилась
Вода!
Это из-за Вали –
Валю умывали!*

Получив паспорт, окончив школу, перейдя в солидный строй родителей, читатель всё так же, с первого раза, запоминает стихи знакомого с ясельно-детсадовского возраста автора.

*Нет ничего надёжнее
Микроба:
Он предан человечеству
До гроба.*

Грустные стороны жизни в интерпретации В. Орлова выглядят иначе, окрашены философской мудростью.

*За всё, что память бережно хранит,
За все бывшие радости и сладости,
За молодость, нам данную в кредит,
Приходится расплачиваться старости.*

Под рукой мастера даже каламбуры поворачивались порой своей не смешной стороной:

*Одним – по дачке,
Другим – подачки.*

Чаще всего обращения поэта к взрослой аудитории публиковала знаменитая среди интеллигенции 16-я страница «Литературной газеты».

Чтобы завершить рассказ об отношениях Орлова с этой газетой и этой страницей, вспомним постоянного её автора – Евгения Сазонова. Смеем утверждать,

лучшие стихи, приписываемые всесоюзно известному графоману, принадлежали перу Владимира Орлова. Он подарил Сазонову такие стихи:

*Когда молчу я на рассвете,
Я нежно думаю о Свете!*

*Когда молчу я на закате,
Я нежно думаю о Кате!*

*Когда молчу, бродя в тумане,
Я нежно думаю о Мане!*

*Когда молчу в лесу и в поле,
Я нежно думаю о Поле!*

*Вот так живу я и молчу.
Зато молчу о ком хочу!*

Ограниченные площади книг для детей приучили Орлова обходиться минимумом изобразительных средств. Где драматургу или комедиографу потребовалось бы полотно длиной в три, а то и в пять действий, поэт укладывался в... две строки. При этом соблюдал все необходимые компоненты детективной истории: завязка, кульминация, неожиданная развязка. Судите сами.

*Один петушок был в хозяйку влюблён.
А эта хозяйка любила бульон.*

*Весной ушёл из дома кот.
– Прощай! – Сказал. – Труба зовёт!*

Двадцать лет нет с нами замечательного поэта. Стихи его продолжают жить и радовать детей, их мам и пап. С двухтысячного года Крымская республиканская детская библиотека в Симферополе носит имя Владимира Орлова. А ведь с точки зрения составителей справочника «Письменники радянської України», вышедшего в свет в 1981-м году, уж кто-кто, а Владимир Натанович Орлов не имел права на такую честь, поскольку не был членом или кандидатом в члены КПСС. Мало того, Орлов чуть ли не единственный из почти тысячи официально признанных писателей УССР, не имел среднего образования.

Стихи, написанные Орловым двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят и шестьдесят лет тому назад и сегодня кажутся сиюминутным откликом на происходящее вокруг.

*Посеяли картошку и горох,
Взошли в полях зелёные растения.
И тут же закричал чертополох:
– Долой некоренное население!*

Родился В.Н. Орлов в 1930 году. Замкнул ряды тех мальчиков, которые мечтали «хорошо бы завтра вырасти и поехать на войну». До призывного возраста не хватило им двух, трёх и четырёх лет. Склоняем головы перед подвигом фронтовиков, но часто забываем о следующем по пятам поколении. Прочтите биографии выдающихся людей и поймёте, в каких порядочных и честных профессионалов выросли не попавшие на фронт мальчишки. Во всех областях человеческой деятельности.

Но раз разговор о поэте, назовём писателя Виктора Конецкого (1929-й год рождения), актёра и кинорежиссёра Леонида Быкова (1929), актёра, кинорежиссёра и писателя Василия Шукшина (1929), писателя Феликса Кривина (1928).

В середине восьмидесятых Владимир Натанович опубликовал книгу: «Прочтите взрослым». Жаль, вскоре интерес большинства издательств к стихам несколько изменился.

А болезни приковали человека к дому. Мир сузился до экрана телевизора и монитора Интернета. Но поэт продолжал работать. О чём красноречиво свидетельствует хотя бы цикл «Поёт гормон по вечерам».

*Вот выпьешь сто и пива кружку,
А после – кружку и сто грамм.
И вот уже, зовя подружку,
Поёт гормон по вечерам.*

*Любил я женщин трогать с детства,
Себя волнуя самого.
Теперь могу им тронуть сердце.
И всё. И больше ничего.*

А как вам подражания Омару Хайяму?

*Я тихо в дом вхожу. Жена ещё не спит.
Она всегда со мной поспорить норовит.
Я ласково бросаю: «Добрый вечер!»
Она мне: «С добрым утром!» – говорит.*

Ожидания лучшей доли в девяностых грели буквально каждого. О чём, собственно, цикл Орлова «Наивы».

*Рокфеллеры, проверьте ваше древо:
У вас и у меня – прамактерь Ева.
Давно в семью пора меня принять,
Чтоб облажить мою и вашу мать!*

*Совсем больной и сильно постарелый
Я жду звонка английской королевы.
Неужто главной даме Альбиона
Нельзя найти мой номер телефона?*

До последних дней улыбка над собой не оставляла Орлова.

*С годами я мучительно старею,
Хирею, пропадаю ни за грош.
Я стал похож на старого еврея,
А был – на молодого я похож!*

Четверостишие вместе с заголовком «Утренний обход в больнице» вообще можно принять за отзыв о «медицинской реформе на Украине», стартовавшей в шестнадцатом году XXI века.

*– Выметайся-ка отсюда поскорей
И за койку понапрасну не держися!
Тут у нас, дружок, не мавзолей –
Тут у нас, дружок, не залежишься!*

Или такое наблюдение, перенесённое на бумагу в самом начале девяностых.

*На всей планете – наши граждане,
У нас теперь полно свобод:
Ведь на Земле страна не каждая
Пускает по миру народ.*

Достаточно у Орлова строк и на, так сказать, вечные темы.

*Приятель Фима никогда не врёт
И за нос никогда меня не водит:
Пообещал прийти – всегда придёт.
Не обещал – а всё равно приходит.*

Завершим короткое путешествие по творчеству «Владимира Орлова из Симферополя» (сноска в «центральной» печати времён Советского Союза) строками из как бы наследия незабвенного Евгения Сазонова:

*Люблю природу. Что за благодать
Бродить в лесу подальше от прогресса!
Неделю обещаю не писать –
И сэкономить два гектара леса.*

НЕХОРОШЕЕ ЧИСЛО

В разговоре с Владимиром Натановичем, особенно по телефону, необходимо было держать ухо востро. Стоило, к примеру, на вопрос «Как дела?» ответить стандартным «Ничего себе!», тут же нарывался на искреннее недоумение:

– Как это? Себе – и вообще ничего? Так нельзя! ...

Поделился, новостей нет, разве что запустил усы. Сходу уточнение:

– Куда? Куда запустил усы – спрашиваю?

Не скрою, я бывало морочил Орлову голову своими стихотворными фельетонами. Похвастался, что родилась ударная первая строка: «Апостолы, столпы моей системы...», а дальше, как заколдобило. Владимир Натанович замолчал. Видимо, сдержался, чтобы не обидеть меня.

– Знаешь, есть вещи, в которые не следует походя тыкать своим остроумием. Первым в этом неприкасаемом списке стоит Бог. Если хочешь, мировой разум, что скрывается за этими тремя буквами...

Однажды, под конец телефонного разговора, Орлов, коренной крымчанин (кажется, даже крымчак, хотя смутно представляю разницу между этими этническими образованиями) вышел из себя. Возмутила его моя информация о проделках очередного украшателя Киева, сидевшего в кресле мэра города.

Возьму паузу для небольшого экскурса в историю. Столице Украины не везло с градоначальниками. А что касается голов города в последние десятилетия XX века и в первые два десятилетия XXI века – вообще провал за провалом.

Не секрет – почему. Ни один из них не родился и не рос в этом городе. Не впитал с молоком матери названий улиц и соборов, не пропитался днепровским воздухом и очарованием днепровских склонов.

А радений об улучшении облика древней столицы у каждого хоть отбавляй. То же ударное возведение бетонных новоделов на месте разрушенных в тридцатые годы храмов. Или ваяние скульптур из белого итальянского мрамора вместо изначальных бетонных. Дальше – больше. У входа в главпочтамт возникла стелла, окружённая у подножия россыпью имён областных центров. С указанием расстояния в километрах от Киева.

Остолбенел. Гляжу – что такое? Оказывается, центр республики Крым отстоит от столицы ровно на 666 км... Сатанинское число... Не успел досказать Владимиру Натановичу, как из трубки – очередь нелицеприятных слов. Будто это я, а не украшатель моего родного города, всобачил потустороннюю цифру. Попытался вставить слово, но В. Н. продолжал накаляться.

– Как могли! Сатанинское число, да ещё отлитое в металле! ... Это не чёрная кошка пробежит между Киевом и Крымом. Это предвестник беды. Ох, чувствую, накличат лиха неумные дяди от Киева...

Предчувствия не обманули поэта. Нехорошее число проявило свой скрытый подтекст. В 2014 году полуостров плюнул на Киев и уплыл в Российскую гавань...

Кстати сказать, в августе 2015 года я наведалься к Главпочтамту. Стелла на месте, названия областных центров – тоже. Вместе с указанием расстояния до них. И Симферополь, как заверяют инициаторы раскола Украины, «всё ещё наш». Правда, отстоит на 1 км дальше – на 667 км...

Не иначе, как очередной мэр спохватился и перепроверил расстояние другой рулеткой.

ШОЛОМ, СОЛДАТ!

Начну с газетного сообщения. На пороге двадцать первого века всеукраинское средство массовой информации, принадлежавшее олигарху из Донецка, озаглавило небольшую заметку такими словами: «Пятьсот евреев в одной могиле». Хотя речь шла не о национальности погибших, а о их вероисповедании. Оказывается, ещё в ту далёкую, Крымскую войну, надпись на одной из лент на венке «Города русской славы – Севастополя», изложена на иврите. Факт зафиксирован памятником над братской могилой пятисот российских воинов иудейского происхождения. Монумент за столетие не потревожили, но засекретили. Поскольку располагался на бывшей окраине города, ставшей со временем территорией военного завода, то бишь – «почтового ящика». Куда посторонним вход воспрещён.

Подлый слухок о том, что «евреи не воевали», оказывается, красноречиво опровергнут ещё сто пятьдесят лет тому назад. И семейное предание Орловых о том, что они носят фамилию командира драгунского полка, обрело официальное подтверждение. Со времён Аракчеева в кантонисты, в учебные роты будущих солдат, набирали сирот и детей бедняков, в том числе иноверцев. Каторжная муштра в северных краях. Выживали сильнейшие. Не более половины от числа мобилизованных. Они пополняли ряды драгунов – бойцов тяжёлой кавалерии, вооружённой саблями, винтовками пиками и бердышами. Бывшие кантонисты, отрубившие на солдатской службе четверть века, то есть, достигшие 45 лет, имели право на земельный надел – вариант пенсионного обеспечения. Среди таких счастливых оказался прадед Орлова – Яков. По всей видимости, он воевал в Севастополе. Иначе бы его не наградили землёй в Крыму.

О том, что случай с прадедом поэта Орлова не единичный, говорит фамилия советского военачальника, генерал-полковника танковых войск, дважды Героя Советского Союза Давида Абрамовича Драгунского. Не будь предок советского генерала кантонистом и драгуном, вряд ли царские паспортисты позволили бы ему иметь такую воинственную фамилию. Прадеда Драгунского наградили земельным наделом за чертой оседлости – в Брянской области.

Пьесу-притчу «Шолом, солдат!» Владимир Натанович писал с 1996 по 1997 гг. Переставлял сцены и монологи действующих лиц, сокращал и добавлял эпизоды. У меня два экземпляра пьесы – машинопись 96-го и альманах-ежегодник «Егупец», № 8 за 2001 год. Могу сравнить и подтвердить: работал автор упорно.

Действующих лиц всего шесть. Солдат Иаков – бывший кантонист, Рэб Лазарь – старый раввин, Ерохим – кузнец, Рахиль – жена кузнеца, Эся – молочника, Вервел – суматошный еврей. Ещё три бессловесных действующих лица: молодожёны Двойра и Мотеле да мальчик-кантонист из воспоминаний солдата Иакова о детстве. Действие происходит, счёл нужным подчеркнуть автор, в 50-е годы девятнадцатого столетия в маленьком еврейском местечке на юге Украины. Весьма важное замечание. Возможно, оно сыграло свою роль в том, что пьеса, несмотря на все договоры, не попала на сцены театров Крыма и Киева. В портфеле альманаха «Егупец» «Шолом, солдат!» пролежал более двух лет.

В окончательном варианте действие начинается с песенки раввина. Седовласый служитель иудейской религии, оказывается, в тайне от раввина писал стихи. Как тут не подумать, что на автора пьесы произвела впечатление реакция раввинов конца двадцатого века на книгу «Еврейское счастье». Два нынешних раввина на полном серьёзе посчитали стихи поэта сугубо светскими, не отвечающими религиозным канонам. Владимир Натанович, пользуясь правом автора, отыгрался. Как говорится, по полной. Рэб Лазарь то и дело подходит к столику и что-то записывает в тетрадь. Мало того, сам поёт свою песенку. Позволю себе привести первую и последнюю строфы вместе с припевом:

*Жил весёлый человек
И по сердцу и снаружи.
Повторял он целый век:
– Ничего, бывало хуже!
Надо плюнуть и забыть,
Сердце не тревожить.
Лучше нам не может быть,
Хуже быть не может!*

*... Он весёлым был всерьёз,
И других смешил к тому же.
Умирая, произнёс
– Ничего, бывало хуже.
Надо плюнуть и забыть,
Сердце не тревожить.
Лучше нам не может быть,
Хуже быть не может.*

Весёлая песенка, нечего сказать. Из жизни маленького еврейского местечка середины позапрошлого века. Впрочем, не будем уточнять. Автор пьесы посчитал необходимым приписать раввину некоторые свои стихи из сборника «Еврейское счастье». Те самые, что так не понравились современным служителям иудейской религии.

*Под общей крышей небосвода,
Враждой своею знамениты,
Живут на свете два народа –
Евреи и антисемиты.*

*Мы с тобою, как ростки,
С общими корнями.
Или речью мы близки,
Или именами.
Оглянись по сторонам,
Обрати вниманье:
Там Иона с Мириам,
Тут – Иван да Марья.*

Стихи, о которых Рэб Лазарь говорил: «если раввинат узнает, меня лишат должности и проклянут». Для раввина, действительно, большой грех утверждать:

*Мы все живём в раздорах и грехах,
Не думая о том,
Что говорим на разных языках,
А плачем – на одном.*

А следом – чуть ли не богохульское предвидение.

*Уйдут от нас трагедии и драмы,
Не будет преждевременных седин,
Когда молиться будем в общем храме –
Поскольку бог у всех у нас один.*

Оставим раввина размышлять да философствовать. Он – одно из действующих лиц пьесы-притчи, не более. Содержание пьесы можно пересказать в двух-трёх словах. Отслуживший своё драгун Иаков отравился пешком искать дом, откуда его забрали в кантонисты, где оставил маму, отца и сестрёнку. Добрался-таки до своего местечка. Никто из земляков его не узнал. Не осталось никого из близких. Умерли от горя, от голода, уехали подальше. Но старый служака всё же нашёл самое главное в жизни богатство – любовь. Любимую женщину. Остальное – приложится. Должно приложится. Руки-ноги, пусть в шрамах, но целы, работы не боятся. Жизнь начать с чистого листа никогда не поздно.

Альманах «Егупец» – издание киевского Института Юдайки. Институт и редакция при нём располагались и располагаются в одном из помещений Киевской Могилянской академии – известного питомника национально озабоченных украинских кадров. После развала страны академия национализировала учебные корпуса и общежития бывшего военно-морского политехнического училища – правопреемника штаба Днепровской военной флотилии, вселившегося в монастырские здания вскоре после Октябрьской революции. За сменой вывески учебного заведения последовало кардинальное изменение ориентации. К середине девяностых Могилянка стала кузницей националистических кадров. Пролистайте личные дела депутатов киевской городской или Верховной Рады, высших чиновников, прочих громкоголосых деятелей – через одного, если не чаще, они позаканчивали Могилянку. Там же защитили соответствующие диссертации.

Не останавливался бы на этом вопросе, который к нашему разговору не имеет отношения, да не могу забыть историю, из-за которой Владимир Натанович так и не увидел при жизни своё произведение на сцене. Или хотя бы опубликованным. Ни о каких гонорарах речи уже не шло. К концу века – всюю торжествовали рыночные отношения. Как подтвердил пример знакомого Орлову по Симферополю некоего Коротко, восторжествовали другие взаимоотношения – не авторам издатели платили, авторы – издателям.

«Егупец», будем справедливы, денег с Орлова не требовал. Но откладывал и откладывал публикацию. Владимир Натанович не увидел восьмой выпуск ежегодника, не подержал увесистый том в руках. Книга вышла в свет через два года после смерти

поэта. Меня сей факт тем сильнее раздосадовал, что это я отнёс в альманах пьесу-притчу, время от времени звонил и спрашивал: «Ну как?».

Отвечали мне уклончиво. Тогда напрямую обратился к члену редколлегии, моему наставнику по литстудии ещё в издательстве «Молодь», Миرونу Петровскому. Оказалось, что приём, позволивший автору соединить несоединимое, погрузить читателя-зрителя в атмосферу заштатного еврейского местечка, этот приём смутил ответственного начальника альманаха.

Герои пьесы Орлова общались между собой на двух языках. Ветеран русской армии, отставной солдат Орлов, говорил на чистом русском языке, с вариациями. Его верная кобыла, если интересно, имела кличку Балда. С отставным солдатом говорил на равных тайный поэт, он же мудрый старый раввин, Лазарь. Остальные герои пьесы больше балакали на украинском, вернее, на суржике, густо настоящем на синтаксисе идиша – в те годы разговорном языке евреев в наших широтах. Давно доказано, на синтаксис идиша опирается знаменитый язык одесситов. И анекдоты, родившиеся там же, на берегу Чёрного моря. Подобные тексты естественно звучали на улицах давно исчезнувшего местечка.

Ответственного сотрудника института Юдаики из киевской Могилянки очень даже смутила неправильная украинская речь персонажей. На полном серьёзе требовал, чтобы евреи в пьесе говорили на чистом языке, а все остальные – на тарабарском. Тогда, пожалуйста, готовы пьесу напечатать. А ведь до «Законов о языке», кои через пятнадцать-двадцать лет напринимала Верховная Рада, была ещё куча времени.

Спасибо Миرونу Семёновичу Петровскому. Он надавил на членов редколлегии своим авторитетом. Пьеса вышла в свет в первоизданном виде. Позволю себе заметить: даже более, чем в первоизданном. Технические редакторы не взяли на себя труд набрать помельче шрифтом реплики от автора, выпуклее подать стихи... Как получили машинопись на 48 страницах, так и отправили в набор. Без всяких указаний. Это уже придирка с моей стороны. Многолетний редакторский опыт учит: в печатном произведении всё важно – и шрифт, и паузы, и реплики. Тогда страницы не превращаются в кроссворды. Правда, «Егупец» одну правку всё же внёс. В машинописном оригинале пьесы в слове «Шолом» после «Ш» стоит «О», как в имени Шолом-Алейхем, а в альманахе «О» заменили на «А» ...

ОРЛОВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Два последних письма Владимира Натановича в мой адрес написаны не чётким бегущим почерком. Напечатаны на машинке. Вернее, на одном из первых вариантов принтера. Письма помечены 4 марта и 30 сентября 1999 года, удостоверены подписью автора – двумя обнявшимися буквами «В» и «О». За несколько недель до конца года поэта не стало. Но уже весной 2000-го Орлов вернулся в родной город, его имя, как мы с вами знаем, было присвоено Крымской республиканской детской библиотеке.

Друзья-библиотекари сделали регулярными «Орловские литературные чтения». Первые такие посиделки провели в ноябре 2003 года, вторые – в ноябре 2005-го. Знаю,

подобные чтения продолжались и в последующие годы, однако события весны 2014-го прервали всякие связи с Симферополем. Ни дозвониться, ни письма написать.

Документы, которыми располагаю, красноречиво свидетельствуют об уважении крымчан к памяти «классика детской литературы». В кавычки взял слова, что кочуют в «Чтениях» из выступления к выступлению. Приведённые в начале абзаца «друзья-библиотекари» взяты не откуда-нибудь, а из приветствия к Новому году, которое Владимир Натанович, лишённый возможности самостоятельно передвигаться, отправил на ул. Тургенева, в библиотеку, носящую теперь его имя. Так и написал: «Орлова печат не аптекари, а друзья-библиотекари». Любители же символов и совпадений могут отметить про себя, что стоящие отныне рядом имена Тургенева и Орлова наглядно подтверждают преемственность высоких литературных традиций.

Большинство участников слушаний поставили творчество В.Н. Орлова в один ряд с зачинателями советской детской литературы – Корнеем Чуковским, Самуилом Маршакom, Агнией Барто, Сергеем Михалковым. На мой взгляд в список правофланговых надо бы обязательно добавить Веру Инбер. Её стихи для детей очень даже близки Орлову по духу.

Понимаю, заголовки в последние времена не всегда соответствуют содержанию статей. Однако исключения бывают. Среди них – названия докладов участников «Вторых орловских слушаний». Они достойны того, чтобы привести их полностью, без сокращений

«Детское чтение и книга, как идея сотрудничества взрослых и детей». «Он писал, как дышал...». «Творческое наследие В.Н. Орлова – основа духовно-нравственного становления подрастающего поколения». «Формирование духовно-нравственных начал и гражданственности у детей дошкольного возраста на основе поэзии В. Н. Орлова». «Произведения классика детской литературы Владимира Орлова в переводах крымских писателей на сцене Крымского театра кукол: вчера, сегодня, завтра». «В. Н. Орлов. Возрождение духовных традиций». «Исцеляет слово Орлова: библиотерапевтическое воздействие произведений поэта». «Уроки мастера поэтического слова Владимира Орлова». «Неиссякаемый родник – творчество Владимира Орлова». «Классик детской поэзии Владимир Натанович Орлов». «Тема общности и ответственности людей за разумную жизнь в творчестве В.Н. Орлова». «Литературно-краеведческий кружок «Орлёнок». «И строчка каждая рисунком хочет стать...».

На первых чтениях выступили двадцать докладчиков, каждый из них был рад возможности ещё и ещё раз поддержать на языке стихи и строки из стихотворений Орлова. С особым удовольствием ораторы перечисляли названия книг Орлова для детей, утверждая, что все они ведут ребёнка в волшебный мир: «Тимошкина гармошка», «Крымские чудеса», «Первая дорожка», «Светлая песенка», «Кудрявая песенка», «Все вместе, все на месте», «Всем, всем добрый день», «Живая ниточка» и др.

Всё потому, что...

**... Птицы учат ПЕНИЮ,
Паучок – ТЕРПЕНИЮ,**

*Пчёлы в поле и в саду
Обучают нас ТРУДУ.
И к тому же в их труде
Всё по справедливости.
Отражение в воде
Учит нас ПРАВДИВОСТИ.
Учит снег нас ЧИСТОТЕ,
Солнце учит ДОБРОТЕ:
Каждый день, зимой и летом,
Дарит нас теплом и светом.
И взамен ни у кого
Не попросит ничего!
У природы круглый год
Обучаться нужно
Нас деревья всех пород
Весь большой лесной народ
Учат крепкой ДРУЖБЕ.*

Под пером поэта играет и переливается всеми красками «НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА» ...

*Крыши блещут серебром,
Белый снег искрится,
Спит девчонка сладким сном,
Сон девчонке снится:
Зал огнями залитой,
Музыка и маски,
Принц в короне золотой
Из волшебной сказки.*

*Смотрит в комнату Луна –
Старая колдунья.
Всё исполнится сполна
Может в полнолуние.
При такой большой Луне
Может всё случиться...*

*Спит девчонка в тишине,
Чудесам не спится.
Под щекою кулачок,
На щеке веснушки...
И хрустальный башмачок
Блещет на подушке.*

Читатель, маленький и взрослый, с первого звука верит: именно такими словами, какие записал поэт, общается с пробуждающейся листвой солнышко.

*Шепчет солнышко
Листочку:
– Не робей, голубчик!
И берёт его из почки
За зелёный чубчик.*

И снова о нашем светиле:

*Чтоб звенел зелёный смех,
Детвора не плакала,
Светит солнышко для всех,
Светит одинаково.
День откроет на заре
Золотистым ключиком,
Чтобы досталось на дворе
Каждому – по лучику.*

У ребёнка с первых месяцев жизни – обострённое чувство ритма. Чтение, повторение за взрослыми хороших стихов, настраивают юного читателя на игровой лад, вызывают импульсы сотворчества.

*Шёл я из Бельбеково
Мимо Кукареково,
Около Мумуково,
Повернул на Хрюково,
А потом из Хрюково
Повернул на Кряково,
С удочкой бамбуковой
Посидел у Кваково.*

Добрый волшебник Орлов готов сопровождать малыша с утра до вечера, а когда за окном окончательно стемнеет, поможет малышу заснуть.

*Ежонок укрылся осенним листом,
Пушистая белочка – пышным хвостом,
А Мишка – своей косолапой,
Своею лохматою лапой.
А ты одеялом укройся
И серого волка не бойся.*

Несмотря на глобальные общественные сдвиги, обрушившиеся на страну, пожелания поэта своим читателям нисколько не пожухли, сохранили свою первозданную свежесть и общечеловеческую мудрость.

*Я желаю вам добра,
Но совсем не серебра!
Я добра желаю всем,
Но не золота совсем.*

*Я, желаю, чтобы с вами
Людьми было веселей,
Чтобы добрыми глазами
Вы смотрели на людей.
Чтобы были справедливы
И в решениях мудры.
К людям будете добры вы –
Люди будут к вам добры.*

Никак иначе. Ибо все мы соседи по планете Земля.

*Словно крыша, над землёю
Голубые небеса,
А под крышей голубою –
Реки, горы и леса.
Океаны, пароходы,
И поляны, и цветы,
Страны все, и все народы,
И конечно, я и ты.*

Среди участников «Первых Орловских литературных чтений» – библиограф из взрослой Крымской библиотеки им. И. Франко. Она-то и напомнила, что В. Орлов – признанный детский писатель, классик детской литературы – всегда был даже очень взрослым писателем. Начал поэт путь в литературу с публикации в № 1 за 1958 год в журнале «Советская Украина» (предшественник «Радуги») стихотворения «Сапфир», рассчитанного на взрослое восприятие.

Став автором десятков сборников стихотворений для детей и десятков пьес для кукольных театров, поэт параллельно освоил взрослую борозду – в крымских газетах, на 16-й стр. «Литературки», в журналах «Крокодил», «Огонёк» и других популярных изданиях. Эти публикации позднее собрал в сборнике с намёком-названием «Прочтите взрослым».

*Глядит мамаша
С нежностью на дочку,
От гордости –
Волнение в груди:
На клумбе дочь
Для мамы рвёт цветочки.
А ягодки для мамы –
Впереди!*

На себя любимого, читателю, тоже время от времени следует обратить придирчивое внимание:

*Быть одиноким неприятно,
И самого себя любя,
Подумай: как войти обратно,
Когда выходишь из себя.*

Даже такой невесёлый жанр, как эпитафия, под пером Орлова вызывает улыбку, пусть, добродушной её не назовёшь.

*Он под землёю, он не дышит,
Он вашей просьбы не услышит,
Как он не слышал в кабинете,
Когда он был на этом свете.*

Пертурбации в обществе поменяли вывески почти на всех чиновничьих кабинетах. Но хозяева их в большинстве остались на своих местах. И то верно, для обладателей должностей совсем не обязательно хватать звёзды с неба. Достаточно, как шутили в тридцатые-сороковые годы прошлого века, «колебаться вместе с линией партии». А это всегда легче и проще, чем думать да соображать. Отвечать за свои решения и поступки. Так что в демократии, воспетой ещё древними греками, обеспечивающей регулярную смену властей и смену ценных указаний сверху – основательные преимущества.

Демократия не позволяет неумехам прикипать к должностям. Хотя, хотя... Если вирусы, как убеждают Пандемии, легко приспосабливаются к изменениям среды, то человеку сие по плечу и подавно.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Участникам чтений очень хотелось украсить список достижений Орлова – наряду с переводами его произведений на чешский, венгерский и японские языки – названиями наград, свидетельствующими о признании творчества поэта на Родине. Большой и малой. Очень старались, но насчитали в активе Орлова аж две всеукраинские премии – имени Леси Украинки и Владимира Короленко, плюс Государственная премия Автономной республики Крым. Вот и всё, расчёт окончен. Эти награды достались поэту на исходе жизни. Что опять же свидетельствует: у людей, ведающих распределением знаков общественного признания и читателями, раскупавших книги Орлова, интересы и пристрастия отнюдь не совпадали.

Сей дисбаланс имел место, как до, так и после обретения Украиной (и её Союзом писателей) независимости. В одном из своих последних писем мне, Владимир Натанович писал, напомним: *«Опубликован в местной прессе список соискателей Гос. Премии Крыма. Я – в номинации «Детская литература». Но выдвижение, ещё не означает вручение, и я к этому делу отношусь скептически. Но если дадут – то у тебя будет друг-лауреат»*. Порадуемся за поэта, региональную порцию признания он получил при жизни. До сего момента мог утешаться разве шуткой Михаила Светлова.

– Выпьем за обратную сторону медали: не дали!

Не исключено, что Госпремия (название, не денежный её эквивалент), хоть ненадолго, но продлила человеку жизнь.

За что и когда В.Н. Орлова наградили литературной премией имени Леси Украинки – не знаю. С советских времён имя этого классика украинской литературы

давали лучшим. К примеру, Киевскому русскому драматическому театру, чьи спектакли, в отличие от украинского академического собрата имени Ивана Франко, шли с аншлагом. Правда, в начале 1981 года Владимир Натанович писал мне, что ему на праздновании 50-летия вручили премию им. Трублаины. Видимо, друзья-библиотекари не знают об этом факте.

Что же касается премии имени В. Короленко, то тут, в силу разного рода обстоятельств, я в курсе дела. По всей видимости, когда стартовал бум новых, отечественного разлива премий, эта награда предназначалась в Союзе писателей Украины для русскоязычных авторов. Недаром, в комиссию по рассмотрению заявок вошли не шибко известные в узких кругах члены СП Вадим Шкода и Алла Потапова. Что правда, то правда, в киевских издательствах действительно выходили книги этих бумагомарателей. Но читали ли их? Чаще всего после стандартной отсидки в запасниках книжных магазинов, не распакованные пачки направлялись в макулатуру. Следом тѣк ручеек книг тех же авторов при перерегистрации фондов библиотек – по причине девственной чистоты читательских формуляров.

Надо ли говорить о том, что Вадим Шкода и Алла Потапова стали первыми лауреатами премии имени В. Короленко. В соответствии с формулой Жванецкого: «что охраняешь – то имеешь». Или его же варианта «за очередью следишь – без очереди берёшь». Лишь на следующий год оба лауреата приняли в свои ряды истинного классика детской литературы В. Н. Орлова. Но опять же споловинили премию ещё для одного – члена С. П. Лично им известного. Им, но, как вы догадались, не читателям.

Не нужно проводить изысканий в архивах, чтобы понять: шлагбаумом на пути к званиям и регалиям стала для Орлова публикация эпиграммы на 16-й странице «Литературки», сорвавшая радужные покровы интернационализма с ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Редакционный недосмотр обернулся для поэта годами замалчивания. Его фамилию повычѣркивали из планов книжных издательств, со страниц периодики. Ещё долго чиновники от литературы при виде словосочетания «Владимир Орлов» вели себя в соответствии со старым анекдотом: «То ли этот поэт что-то украл, то ли у него что-то украли». И, на всякий случай, не подпускали его имя к престижным спискам.

У литераторов врождённая аллергия на слова с негативной окраской. Потому, к примеру, чѣткое определение «вор» они заменяют расплывчатым «плагиатор». А это уже, как считали классики, не кража, а просто делѣжка. Чем и прикрывались прохиндеи, когда выдѣргивали из стихотворений Орлова удачные строки и выдавали их за свои. Сошлѣмся хотя бы на историю со строкой «У арбуза – всюду пузо».

Ещё один грустный факт. Пока произведения «поэта из Симферополя» вычѣркивали из гонорарных ведомостей, у иных «творцов» с остро заточенными локтями появилась возможность присваивать не просто строки, а целые стихотворения и произведения помасштабнее.

Когда заходит речь о мультфильмах, поставленных по стихотворениям В. Н. Орлова, чаще всего вспоминают «Цветное молоко». Знатoki назовут ещё несколько стихотворений, перекочевавших на киноплѣнку. Действительно, что ни история, рассказанная Орловым, то готовый сценарий. В стихах и в красках. Однако всегда, когда заходила речь о мультиках и о той киностудии, где они большей частью

появлялись на свет, настроение у Владимира Натановича резко падало. Порой с его уст срывалась фамилия популярного корифея мультипликационных лент. В сопровождении уничижительных эпитетов, среди которых «грабитель с большой дороги» – наиболее мягкая характеристика поступков сего деятеля.

Надо было бы расспросить поэта о подробностях, да этой темы он касался как бы вскользь. А я стеснялся уточнять да выспрашивать подробности. Потому и не называю фамилию сего завсегдадая мультиплёнки. Снимавшего по три урожая с каждого экранизированного под его именами произведения. Замечу лишь, что гражданин сей обладал довольно солидными административными возможностями.

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Киношный Штирлиц учил: запоминается самая последняя фраза. Чтобы, не дай Бог, этого не произошло, позволю себе процитировать стихотворения Владимира Натановича Орлова разных лет. Вместе с заголовками. А рассчитаны они на детей или на их родителей, или на тех и других – решите сами.

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

*Осьминог для всех – чудовище.
А для мамы он –
Сокровище!*

ПАУЧОК

*Под берёзкой, на рассвете,
Застелив свою кровать,
Паучок расставил сети –
Хочет солнышко поймать.*

НЕ БОЙСЯ, БАБУШКА!

*Дорогая бабушка,
Как ты молода!
Если зубы выпали,
Это не беда!
Не считай, пожалуйста,
Это за беду!
И со мной такое же
Было в том году!
И тебе немножечко
Надо подождать!
Зубы обязательно
Вырастут опять!*

ЖАЛЬ!

*Жаль, что в прошлый
Выходной
Ты поссорился
Со мной!
Я домой
Сегодня шёл,
Шёл – и денежку
Нашёл!
Вот когда бы
Вместе шли,
Мы бы – две с тобой
Нашли!*

КТО КОГО БОИТСЯ

*– Скажите поскорее
Кого боится мышка?
– Она боится кошки
И больше никого!
– Кого боится кошка?
– Боится злой собаки,
Огромной злой собаки
И больше никого!
– Кого боится злая
Огромная собака?
– Хозяина боится
И больше никого!
– Зато хозяин храбрый!
Кого ему боятся?
– Боится он хозяйки
И больше никого!
– Но никого на свете
Хозяйка не боится!
Конечно, не боится
Хозяйка никого!
– Ну как же не боится?
Она боится мышки!
Боится только мышки
И больше никого!*

ЧЁРНЫЙ КОТ

*Чёрной ночью
За окном –
Чёрный тополь,
Чёрный дом.*

*На скамейке
У ворот
Дремлет чёрный,
Чёрный кот.*

*На рассвете
За окном –
Синий тополь,
Синий дом.
На скамейке у ворот
Дремлет чёрный,
Чёрный кот.*

*В ярком свете
Золотом
Встало солнце
За окном.
Тополь вдруг
Зазеленел,
Дом чуть-чуть
Порозовел.
Тени стали
Покороче,
Где-то радио
Поёт...
Тихо спит
Кусочек ночи
На скамейке
У ворот.*

ГРУСТНЫЙ РАЗГОВОР

*– Как поживаете? –
Грустно спросила*

*Дырка от бублика
Дырку от сыра.*

*– Я, дорогая,
Осталась одна,
И никому я теперь
Не видна.*

*– Вот и меня,
Если кто-то встречает,
То совершенно
Не замечает!*

*– Как же нам быть? –
Обречённо спросила
Дырка от бублика
Дырку от сыра.*

*– Думаю, чтобы
Спассти положенье,
Новое нужно искать
Окруженье!*

*Мы ведь бываем
Заметны для глаз
Ежели есть
Окруженье у нас!*

ГЛУПЫЙ ТАРАКАН

*Глупый, глупый
Таракан!
Ты зачем залез
В стакан?
Выходи оттуда
Вон! –
У меня сухой
Закон!*

ТАИНСТВЕННАЯ МУХА

*Специальным рейсом
Из села Сивуха
На аэродроме
Приземлилась муха.
В это время пусто
Было на вокзале:
Видно, журналисты
Ничего не знали.*

*И теперь, конечно,
И теперь уж точно,
Никому на свете
Не узнать про то, что
Специальным рейсом
Из села Сивуха
На аэродроме
Приземлилась муха.*

КОШКА И ПОПУГАЙ

*Попугаю много раз
Угрожала кошка.
Он, почуя смертный час,
Вылетел в окошко.*

*Попугай влетел в трамвай
Посидел над пьяным –
Возвратился попугай
Страшным хулиганом.*

*И проехал он тогда,
Вроде бы немножко,
Но из дома навсегда
Убежала кошка.*

А завершить поток жизнеутверждающих стихотворений В.Н. Орлова хочется миниатюрой об удивительной лошади, строка из которой приведена на первой странице эссе в числе афоризмов, обретших самостоятельную жизнь.

*Удивительная лошадь,
В нашем городе живёт,
Удивительная лошадь
Молча ест и молча пьёт,
Молча ходит на работу
И ночами молча спит...
Видно лошадь знает что-то,
Если так она молчит.*

*****

Согласен с поклонниками поэзии Орлова. Правильнее и уважительнее к автору было бы цитировать его книжки целиком, начиная с названия. Каждый свой сборник Владимир Натанович тщательно компоновал. Подбирал строку к строке, затем строфу к строфе, и уже потом – стихотворение к стихотворению. Чтобы детали дополняли друг друга и вместе составили целостную картину.

Однако, из-за пандемии коронавируса я уже второй год живу вдали от Киева и своей библиотеки. Под рукой лишь папки с письмами поэта, его рукописями, с машинописными копиями стихов. Орлов так реагировал на мои постоянные просьбы поделиться плодами раздумий. В лихие девяностые, когда редактировал в Киеве частные газеты, я вообще постоянно намекал своему старшему другу, что письма без вложенных в них свежих стихотворений не могу считать полновесными.

Первым желанием было – перепечатать всю стопу. Но, Владимир Натанович не раз втолковывал мне, что стихи – аналог витаминов. Слишком много, да ещё разного предназначения, за один присест трудно переварить. Опять же неоднократно доверял

мне самому выбирать на вкус. Читатель же, заинтересовавшийся творчеством поэта, теперь знает, где и что искать. Единственное, что я позволил себе – сказался многолетний газетный опыт – небольшой уклон в сторону стихотворений, которые, чем дальше, тем злободневнее звучат...

*Январь-май, 2021 г.,
Хутор Высокий Камень,
Житомирская область.*

Аннотация

Эссе «Владимир Орлов. В стихах, в письмах, в воспоминаниях и в отзывах литературоведов» – дань памяти автора Владимиру Натановичу и благодарность за годы тридцатилетней дружбы. Значительную часть текста занимают письма и стихи поэта.

Автор повествования – Яков Махлин – профессиональный журналист, работал в газетах Киева и Мурманской области, переводил с медицинского на русский книги невролога В. А. Берсенева.

**Яков Махлин,
Мурманская обл. 1991 год**